

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

Институт философии

Председатель ГАК,
профессор

_____ Ф.И.О.

Философия права В.В.Бибихина

диссертация

на соискание степени Магистра по направлению ____030100____ (шифр
направления) - Философия (название направления)

основанная образовательная программа «__Философия политики и права__»
(название программы)

1-й рецензент:

доктор философских наук, зав. кафедрой

Давыденкова Антонина Гилеевна

_____ (подпись)

Выполнил: студент

Махнов Арсений Дмитриевич

_____ (подпись)

Научный руководитель:

доктор философских наук,

профессор

Осипов Игорь Дмитриевич

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2016 г.

Введение

Прежде чем говорить уже о философе, о том, что он написал, сказал - прежде надо прояснить, что можно сказать не словами самого философа, зачем говорить о нем, если можно прочесть его тексты. То есть стоит остановиться на вопросе о значении, цели говорения о философии философа.

Для начала можно высказать очевидное, что если я говорю о философии философа или о философе, то я не могу сказать то же, не говоря о его философии или о нем. С другой стороны, разве интересует нас сам по себе философ и сама по себе его философия как одна из многих, включенная в причинно-следственные связи (в естественный порядок)? Если интересует, то да, интересует.

Но откуда появится то, что не есть философия философа (не его слова), не он сам в говорении о нем и его философии? Зачем ещё говорить сверх того, что наговорил он?

Таким образом проблема говорения о философии философа повисает над нашими головами.

Можно попытаться с другой стороны подойти к вопросу говорения о философии философа. Именно со стороны мышления реального и реальной мысли, которые желанны. Мы хотим их. Можно сказать, что мы хотим содержания.

Какую роль тогда выполняет философия философа? Мы предполагаем там мысль и что у него было реальное мышление, то есть сказанное сказано не попусту. А мы желаем того, что скрывается за видимостью сказанного, следом реального.

Конечно, говоря о философии философа мы тянемся к той мысли и философии, но и предполагаем, что это усилие «дотянуться» необходимо, чтобы мышление было в нашем говорении о философии философа.

Иначе, почему нужно говорить о философии философа? Это становится бессмысленным. Мы, странно говорить, должны предполагать философа как философствующего, иначе это никто для нас.

Но есть также и прагматический смысл говорения о философии философа. Философия философа выступает как повод для мышления. И его, как любой повод, можно отбросить (оставить) только после осознания как этого повода в этом мышлении. Повод ведет, мы же в стремлении к свободе будем всегда стремиться не идти на поводу, но просто отбросить повод для мышления нельзя. Мы должны нейтрализовать повод, потому что настоящее мышление имеет только одно основание - само же мышление. Мы не знаем технику, которая привела бы нас к мышлению, но мышление случается.

Говорение о философии философа и о философе необходимо как об образе реальной философской жизни, то есть образ жизни, стремящейся к мудрости. Любовь к мудрости (страсти к мудрости) делает жизнь особой, также как любовь к маркам делает особой жизнь филателиста. То есть жизнь философа принимает особую форму.

То есть необходима узнаваемость (а для этого должно произойти первое знакомство или воспоминание) философа, философии, философского опыта. Никто, кроме нас не узнает, но другой (друг, учитель, отец) может указать, если я старателен, если я готов.

Но все же нельзя научиться у философа. Может быть единственная зацепка - выделение этого философа? Во мне нет оснований различать философов, но в какой-то момент основания быть могут - это интерес. С другой стороны, интерес ещё не все. Он может привести к эпигонству, к догматизму. Мне уже нужно совершать философское движение, чтобы в философию войти, чтобы получить философский опыт. Из рук ли другого (учителя, друга, отца, философа)? Философ сам имеет ли философский опыт как свой, как такой, которым он может распоряжаться? Этот опыт должен

быть двигателем философа (иначе он для нас не философ, исходя из говоримого выше). Но пока о философе мы ничего не можем сказать - мы к нему уще не приступали, не подходили. Пока мы говорили только о совем отношении к философу и философии философа.

Так или иначе, от философа нам остается текст. Но философия не тексты. Пусть мы пока не знаем, что такое философия, но это что-то живое. То есть даже если тексты, то живые. Живые тексты должны быть оживлены чем-то, ведь мы знаем как много текстов остаются для нас накрепко мертвыми.

Нам надо смириться с тем, что текст уже есть. Слово уже сказано и написано. Надо смириться и с живостью текста, с его неуловимостью. Знаки стоят смирно и закорючки, которые обозначаю знак ничего не значат (или значат следующий знак, которым то значение будет обозначено; и так далее до бесконечности; но не до бесконечности значимости).

Для нас есть только текст - ничего больше. Если нас интересует текст сам по себе, то что значит «текст сам по себе»? Текст в данном случае конкретный, к примеру, «Введение в философию права» В.В.Бибихина. Можно предположить, что нас интересует содержание текста, то есть текст «сам по себе» это содержание текста. Но где содержание? И если оно действительно где-то помимо текста есть, то он помеха, при том часто неустранимая, на пути к содержанию в его красоте, полноте. Да и как тогда об этом содержании говорить - его никто без помех не видел (даже автор).

Опять же зачем нам обсуждать что-то помимо действительного, того, что важно, значимо? Осталось только выяснить, как точно узнать, что важно и значимо. Но у кого? Откуда можно точно узнать?

Мы остаемся у разбитого корыта потому, что не можем остановиться. Мы, во-первых, не останавливаемся в моменте «теперь», то есть смотрим в момент «потом», тогда как если есть ответы, настоящее, помощь, то только

сейчас, тут (нет оснований для того, чтобы было потом); во-вторых, мы пробегаем все, на что, на самом деле, наше внимание уже упало и где мелькает настоящее или в чем мы догадываемся о настоящем. Тогда не надо оставлять то, в чем мы настоящее увидели.

Если мы увидели философом Владимира Вениаминовича Бибихина, и нас заинтересовало философствование В.В.Бибихина о праве, то мы должны остановиться в этом моменте и развить эти интересы, которые, как думаем мы к этому пришли в рассуждениях выше, одни и могут нас привести к настоящему.

Итак, мы приступаем к тому, чтобы начать писать о философии права В.В.Бибихина. Мы предполагаем, что таким образом движемся в направлении настоящего, того, что поможет нам с нашей озадаченностью сейчас (что делать?).

Но из хода рассуждений выше следует, что нам недостаточно читать, хотя, в то же время, ничего кроме этого и следования за обнаруживаемым нам не остается. Имеется в виду наше положение сейчас, из которого мы начинаем: мы имеем тексты Владимира Вениаминовича, которые так или иначе для нас имеют смысл и мы имеем взгляд на вещи, о которых ведет речь Владимир Вениаминович. Мы ставим своей задачей не спорить и не занимать позиций, а постараться из старательного следования за речью В.В.Бибихина и старательного разбора того, что видим, открыть новое и открыться новому.

Отсюда будет следовать и метод, который не впереди как уже готовый, а именно как ход, который сделан. Критерием в ходе для нас будут, как было сказано, две вещи: слово В.В.Бибихина и вещи, которые мы видим. Новое не так легко, потому что до него есть только старое¹. Мы не согласимся на

¹ Мы с тем же успехом можем стремиться к старому, но не к тому, которое обветшало, а к тому, которое вечно. Мы сталкиваемся тут с расхожим «времена уже не те» и с другой стороны «кому нужно это старье? это уже вышло из моды». Поэтому то, что мы называем стремлением к новому похоже есть лишь стремление «к хорошо забытому старому».

комбинации из старого, которые будут казаться новым. Стремление к новому это стремление к тому, что нам ещё неизвестно, но к чему нас тянет. Оно как бы за горизонтом или его даже нет вообще. В этом стремлении мы не вправе выбирать себе инструменты и пути, потому что мы не знаем, каков путь нас ожидает и куда, иначе мы идем не к новому. Здесь новое это почти то же, что другое (но слова разные). Так что мы стремимся к другому, к которому не знаем путей, кроме философствования В.В.Бибихина и того, что уже есть у нас. Мы, честно говоря, не можем надеяться ни на что, начиная этот путь. Но, поскольку мы стараемся проделать научный труд, то мы должны, независимо от формул, тезисов, к которым придем, отчетливо поставить вопрос. Иначе говоря, все наше исследование есть попытка поставить вопрос, поскольку вопрос есть двигатель познания.

Основная часть

Актуальность Владимира Вениаминовича Бибихина

Актуальность ещё сама не прояснена: что такое актуальность? В чем актуальность именно Владимира Вениаминовича Бибихина?

Что такое актуальность? Современный словарь иностранных слов указывает, что это «важный, существенный для данного момента, насущный, злободневный»². Хотя в то же время дается перевод латинского «actualis» - действенный. Словарь 1910 года Чудинова определяет актуальность просто как действительность³. Но есть ли принципиальная разница между двумя определениями? Если обратиться к более сложному позднему определению: «важность», «для данного момента», «значительность», «настоящее время» - разве не слова, которые не будучи действительностью потеряют всякий вес? Если настоящее время не действительное время, то тогда что в нем настоящего? Но и время ли это, которое указывается на циферблате часов? «Данный момент» разве это единица времени, которой мы мерим (тогда это же не «настоящее время», а то, чем мы настоящее время мерим) или именно само время? И вот этому времени настоящему, этому данному моменту значительно что? Счет времени разве не значителен для времени, раз мы считем движение времени этим счетом? А сама данность момента - не важна ли? Момент, если в определении сказано «данному», может быть не данным. То есть актуальность есть только у данного момента, а у всех остальных моментов её нет? И все таки если актуальность это действительность, то и действительность есть только у данного момента, а у не данного нет

2 Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов// А.Н.Булыко. - 2-е изд., испр. - М.: Матрин, 2008. С.25

3 Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи// Составлено под ред. А.Н.Чудинова. - Изд. 2-е, тщательно исправленное и дополненное 4000 новых слов. - С.-Петербург.: Издание В.И.Губинского. 1902. С.38

действительности.

Тогда если В.В.Бибихин актуален, то он важен для данного момента, значителен в настоящее время. Более того, он тогда действителен или даже сама действительность. Но уверены ли мы, что так мы объяснили правильно? Слишком много вопросов было пропущено в предыдущем абзаце, слишком, возможно, двусмыслены формулировки, к которым пришли. Перед нами стоит актуальность необходимости прояснения актуальности и, в связи с предстоящей научной работой, актуальность Владимира Вениаминовича Бибихина. Но и эта актуальность второго порядка тоже не ясна (актуальность прояснения актуальности). Её тоже будем прояснять? Похоже на дурную бесконечность из которой хотелось бы выбраться хоть и в бесконечность, но не дурную, то есть сделать шаг в сторону усилия, которое привело бы (или осуществлялось бы в направлении) к действительной цели. С чем тогда мы остаемся на руках? Мы различаем Владимира Вениаминовича Бибихина на фоне всего остального. Не значит это, что он хороший или плохой, но для нас уже различен, как бы поставлен на передний план относительно остального.

Наша необходимость обоснования актуальности В.В.Бибихина похожа на то оправдание, которое Владимир Вениаминович осуществляет в начале курса «Ранний Хайдеггер» в отношении немецкого философа. Мартин Хайдеггер важен не сам по себе, а именно тем, что это не он, что его нет: «...вот это отсутствие личного дела Хайдеггера и заставляет нас главным образом начать и вести расследование. Не может быть. Не вериться. Не бывает, чтобы личного дела не было, чтобы все было так просто. Человек растворился. Стал чистым присутствием - через него - дела мира»⁴. Так и Бибихин сам по себе один из миллиардов человек, конечный (и смертный, и по способностям). Так чем же вызвано обращение внимания на него? Нас как будто что-то зовет, окликнуло, из-за чего мы обернулись в его сторону. Мы

4 Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. - М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С.15

как бы узнали то, что начали неожиданно для самих себя различать. И пока у нас нет оснований говорить о какой-то другой актуальности, действительности, кроме той, из-за которой (в которой) мы обернулись. Ведь это же то, что значимо в этот данный нам момент (момент поворота, в котором мы себя обнаружили), это важно в это настоящее время (в то время, которое наступило сейчас и для нас оно время, потому что мы заметили движение себя в сторону В.В.Бибихина).

Введение в чтение В.В.Бибихина

Мы стоим перед тем, чтобы начать читать тексты В.В.Бибихина. Мы уже поняли, что это наша действительность сейчас. Правильнее, наверное, сказать, что это то, что с нами происходит сейчас, потому что мы пока о действительности знаем, что она перевод для актуальности. Как же мы должны читать? Да и читать ли надо? Читать, говорить, молчать. «Ни говорить о нем нельзя, ни молчать. Наше положение безвыходно. Единственный выход - тот, который сам предлагает себя: увлечься им, потому что не увлечься им почти невозможно, - в надежде, что, может быть, на каком-то подъеме безусловного увлечения нам удастся, если повезет, увидеть в какой-то короткий миг *весь* размах его мысли...»⁵. Что-то (читать, говорить, молчать) о мышлении Бибихина мы сможем только тогда, когда займем положение выше его мышления. Но и занять какое-либо положение не имеем права, поскольку ещё не знаем о его мышлении. Узнать же можем только начав мыслить. Но разве мысль имеет уровни? Хайдеггер интересен именно потому, говорит Бибихин, что он место **мысли**. Не должен ли и Бибихин быть таким местом мысли, к которому мы можем стремиться, но само оно не может быть ни лучше, ни хуже другого места мысли? Мысль должна быть дана вся сразу, её не может быть часть. Потому и Хайдеггер, открывшийся как место мысли есть то притягательное, чему надо поддаться, чтобы иметь возможность увидеть размах мысли увлекающей. Поэтому Владимир Вениаминович не идеал, мудрец в философии права - его нет. Он умер. Уже 12 лет как умер. А мы почему-то решили, что его тексты стоит изучать, что это нам поможет. Что-то, в направлении чего мы обернулись и увидели там имя Владимира Вениаминовича Бибихина, оказывается живее живых - в его книгах, статьях, аудио-записях.

Но тексты Бибихина именно что *его тексты*, а не мысль. Его тексты, поэтому ещё раньше мертвые, чем он сам - написаны до его смерти и не

5 Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. М., 2009. С.16

способны вынести мысль. К чему же нас так тянет? Если все, к чему может тянуть - мертво? Видимо к тому, что не в тексте, а в языке и в слове, сказанном В.В.Бибихиным. Зачем думать, что мышление - это работа не наша, а где-то в другом месте, кем-то другим осуществляется? Нельзя откладывать, Иисус в агонии каждое мгновение⁶. Мысль уже сейчас. И поэтому тоже нельзя вставать в отношении к В.Бибихину, его текстам как к уже осуществленному мышлению и уже мысли. Мы должны пробудиться к мысли. Мысль как-то должна себя показать, должен быть намек. Мы, осознавая актуальность В.В.Бибихина, и есть те, кто старается следовать за Владимиром Вениаминовичем как поводом к мысли.

Потому и мы будем стараться не потерять интерес и увлеченность к месту мысли, на которое пало наше внимание. И следуя интересу и увлеченности будем читать В.В.Бибихина, а не методикам, техникам, которые всегда после и всегда сами по себе не имеют оснований, которые были бы актуальны для нас.

⁶ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М.Пруст «В поисках утраченного времени»). - М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. С.160-161: «Паскаль говорит так: «Агония Христа длится вечно, и в это время нельзя спать»...Паскаль в этой фразе указывает, что существуют вещи, которые не случились, а случаются вечно, то есть в нашей душевной жизни мы не можем принять это событие как совершившееся, а должны считать себя внутри него как свершающегося и при этом не спать».

Философия

Чтобы хоть отчасти прочитать В.Бибихина, мы считаем необходимым задать вопрос о деле, которым он занят. А занят он философией (любовью, тягой к Софии).

Философия для Бибихина, видимо, необходимое усилие для человека. Это усилие, которое дает возможность иметь дело с...чем? Софией? Софией можно быть только захваченным. При этом это и не выбор. Мы всегда уже захвачены. Может ли быть иначе - мы всегда захвачены миром хотя бы потому, что в мире всегда. Выбора нет. Но цель фило-софии «захват нами мира и захват миром нас». То есть мы обычно не заватываем всего мира - потому что мир не может захватить нас отчасти? Мы занимаем какое-то случайное место, а должны захватить весь мир. Но также философия восстанавливает нас самих, позволяет найти себя и обращается к нашему существу. Догадываюсь, что охват мира и восстановление себя связаны. А связано это через нищету. «Не надо воображать себя богатым кроме этого собирания: только оно и есть везде как середина, точка, и одновременно круг, весь, у которого нет периферии...Это не частный случай...и не временная ситуация, а угол нищеты и скудости, которая никогда человека не оставляет, потому что человек всегда выдвинут своим существом в ничто... В бытие и в ничто»⁷. В курсе «Пора» Владимир Вениаминович посвящает много времени теме нищеты, скудости. Мы ещё будем возвращаться к этой теме отдельно, но постараемся здесь поставить вопрос о нищете.

Итак, «не надо воображать себя богатым». Очевидно речь идет не о том, что мы можем получить и взять. Это не наличное - то, что можно припасти или сохранить при себе. Но это, видимо и не какие-то «духовные блага», «совершенства внутреннего мира». В отношении первых и вторых вещей мы можем иметь их много и даже быть ими пресыщены, можем

7 Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). - СПб.: Владимир Даль, 2015. С.247-248.

ощущать их недостаток. Но очевидно В.Бибихин обращается к нам независимо от нашего достатка (в обоих смыслах). То есть богатство это другое. А мы, имея в виду это другое богатство, воображаем себя обладателем его. Мы не можем его присвоить, не можем им обладать так, чтобы нельзя было отнять. Мы не можем так обладать бытием. Богатство - это богатство бытия (бытием). Мы должны пойти в школу настоящей нищеты - принять наше ничто и нашу оставленность как чистое событие. «Это принятие невозможно без собранности на нем»⁸. На чистом событии ничто. И в то же время мы собираемся на отношении бытия к нашему существу. «Все бытие и есть это несение в собирании»⁹. Только обратив внимание на нашу абсолютную нищету можем мы хоть как-то относиться к бытию, потому что «нет складов бытия»¹⁰, оно есть только это собирание.

Мы обнаруживаем себя нищими. И должны признать, что наших сил преодолеть эту нищету нет. Но нищета нам открывает и то, что нужное, к которому мы привыкли как к нужному, не есть настоящее нужное. Оно нужное-нудное, нудит. Но открывается не-нужное, оборачивающееся настоящим нужным, поскольку оно не нужно. Будучи не нужным мы его лишены надежнее, чем нужного (которое может быть или не быть). В изложении Бибихина ненужное, не нудящее это оставленное себе и потому свободное. «Я абсолютно лишен в нашем мире ненужного. - Т.е. свободного. - Свободное отпущено на простор, не на пустой, а на свой, на простор своего как собственного»¹¹.

«Понимающее принятие, философия, возвращает человека к началам и к нему самому, восстанавливает его, «возрождает»»¹². В этом месте Владимир Вениаминович определяет философию как «понимающее принятие». Чего

8 Там же. С.247.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же. С.250.

12 Бибихин В.В. Мир. - 2-изд., испр. - СПб.: Наука, 2007. С.111

это принятие? Своего самого по себе. Это такое принятие, в котором нет ни субъекта, ни объекта (точнее объектов). Есть одно вот это. Почему одно? Потому что сосредоточение, собирание происходит на одном, на точке. Нельзя (по Бибихину) собраться на двух точках, не может быть двух точек сборки. Также как и вообще двух точек быть не может.

Потому нет и объектов. Он один и не объект, а то самое, вот это. Думать о другом будет вторично этому самому одному хотя бы потому, что мы в нем уже увязли. Как страна для нас всегда есть по настоящему только одна и говорить обо всех других странах мы можем только имея сначала перед глазами эту вот, первую (одну).

Субъекта тоже не должно быть. Кажется Бибихин не говорит о субъекте не потому, что нет чего-то, что можно так назвать, а потому что субъект поздно. Намного позже события. И говоря о субъекте мы заслоняем главное. Субъект, если согласиться с таким взглядом Владимира Вениаминовича, просто конструкция. Субъект тогда - не совсем наше дело, хотя и результат работы наших рук. Наше дело мир. «Мир, мир, ослы! — вот проблема философии, мир и больше ничего!», - постоянная цитата Бибихина из дневниковых записей А.Шопенгауера¹³. Язык тоже такое, в чем мы и что не является подручным нам. Язык больше нас. Поэтому слово языка «мир» выигрывает у очевидного философского термина «субъект». Субъект - уже дело рук человека, а язык тем и ценнен, что нет. Но отсутствие объекта и субъекта умолчанием о них - это мало что говорит.

Вообще такое определение философии - «понимающее принятие» кажется тавтологией. Потому что «по-нять», это в некотором смысле «в-

13 Бибихин В.В. Философское «надо»// Язык философии. - 3-е изд., стер. - СПб.: Наука, 2007. С.119; Его же. Добро, истина и несуществование у Владимира Соловьева//www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/dobro_istina_i_nesuschestvovanie (дата обращения: 26.04.2016); Его же. Проблема собственности//www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (дата обращения: 26.04.2016).

нять»¹⁴ и, скорее всего, «при-нять». То есть мы должны иметь место для принимаемого, сами должны расступиться. Не зря это определение похоже на определение любви. Она тоже понимающее принятие. Надо принять, допустить быть так как есть. И надо понимать, быть постоянно в стремлении понимания. Философия именно в стремлении, филии к пониманию (Софии - ?) в отличие от мудрости, в которой уже нет движения, а только охват всего. Философия к этому стремиться: «захват нами мира и захват миром нас». «Философия ждет нашего ответа. Наше дело не отразить философию нашим сознанием, неспособным обосновать себя помимо нее, а допустить ее. Нам некуда ее впустить кроме как в самих себя. Мы хотели бы ее усвоить, но надо ей себя отдать»¹⁵. И любовь к тому же стремиться, всегда в движении. Если не будет движения, то она должна избыться. В пределе любовь - убийство объекта любви или даже его съедание. Но это предел уже выходит за границу любви, то есть уже не любовь, её извращение¹⁶.

Но почему не понять полностью и таким образом достигать, в отличие от бесконечного понимания? Хочется сказать, что понимаемого иначе как в понимании нет, оно существует именно способом понимания. А поскольку мы принимаем понимая, то само понимание дать, навязать не имеем права. Право есть у собственного своего. Справедливо, что каждому должно воздаваться свое. Если мы понимаем свое после разъяснений Владимира Вениаминовича, то это то само по себе, что должно иметь свое. И наша задача дать ему быть своим и только таким понимать или точнее - только так и можно понимать. Мы не имеем права присвоить себе понимание (как

14 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - М.: Прогресс, 1987; Виноградов В.В. История слов. - М.: Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1999. С.866-867. Т.е. понять, внимать, взять - все три слова относятся к одному смысловому ядру и являются поворотами одного. Найти историю слова «принять» не удалось, но мы предполагаем также родство с тремя предыдущими.

15 Бибахин В.В. Строгость философии// Язык философии. С.108.

16 Сартр Ж.П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм. Перевод В. В. Бибахина//www.bibikhin.ru: В.В.Бибахин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/pervichnoe_otnoshenie_k_drugomu (дата обращения: 26.04.2016): «Таким образом, любящий не хочет обладать любимым как обладают какой-нибудь собственностью; он мечтает о совершенно особом виде присвоения. Он хочет обладать свободой именно как свободой».

результат) того, что имеет основание этого понимания как своего по праву.

Ещё один вопрос - вопрос о строгости. Владимир Вениаминович настойчиво говорит о строгости философии. «Философия претендует на строгость, равную или большую математической, и не в переносном смысле»¹⁷. Что это за строгость «не в переносном смысле» и «равная или большая математической»? Это кажется странным. Пусть пока так и будет, но спросим себя, если строгость, то строгость чего или в соответствии чему? Нас задевает философия, захватывает. Она задевает за живое. Владимир Вениаминович неоднократно говорит о том, что мы встречаемся. И, видимо, не надо спешить с ответами, с чем мы сталкиваемся. «Хорошо бы только, чтобы наука помнила, что главное и в ней, как всегда и во всем, не «успехи», а рыцарское стояние на страже»¹⁸. В.Бибихин не отвечает, на страже чего. Наверяд ли даже на страже границы, о которой вся статья «К цветцу»: «Всякая граница создана цветом-тоном-настроением и его изменением, перепадом, разницей (inter esse)»¹⁹. Может быть тогда сторожить надо цвет-тон-настроение? Но они раньше всего и наше сторожение уже после них. Мы уже без них не можем все равно. Но можно по разному с ними быть. Можно, пишет Владимир Вениаминович, как наука, которая видит уже только свои схемы вместо цвета или можно как Гёте или Витгенштейн, которые строго следуя за цветом-тоном-настроением не позволяют их заслонить схемам²⁰. Сторожить нужно от себя, от того, что не должно для цвета-тона-настроения. А не должно все, что не они сами. Слово можно давать только цветцу-тону-настроению.

Стояние на страже и строгость кажутся близкими. Философия должна быть строже всего остального. «Пора бы уже быть панике, но как всегда

¹⁷ Бибихин В.В. Строгость философии// Язык философии. С.103.

¹⁸ Бибихин В.В. К цветцу//www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/k_tsvetu (дата обращения: 26.04.2016).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

спокойствие и разумный образ действий единственно верны. Надо спрашивать не *что делать?*, а *как думать?*. Что буду делать, я знаю; что буду думать — не знаю. Философия решается открыться этой неизвестности и выдержать ее. Пока бытийная мысль, изгнанная наукой, одна видит и осмысливает возможность, которая могла бы быть и возможностью техники: хранить бытие, оберегая его даже от нас самих»²¹. «Что называется мышлением?»²² - так называется целый курс лекций, прочитанный М.Хайдеггером и он образуется только прояснением вопроса «Что называется мышлением?». Хайдеггер не дает ответа, это именно прояснение вопроса. И В.В.Бибихин главным вопросом ставит «Как думать?», потому что мы не знаем. Мы можем знать то, что перед, после, сопутствует мышлению, но не его самого - мы не можем его сделать и знать. Философия идет на риск. Тот, кто решается философствовать, не знает на что он решается, но он должен идти за тем, чего не знает и знать принципиально не может. Строгой философия должна быть только этому. «Философия имеет дело с началами, которые от нас не зависят, от которых зависим мы. Это как будто давно знали. ... Понимающее принятие, философия, возвращает человека к началам и к нему самому, восстанавливает его, «возрождает»»²³. Человек находится в мире и человек только маленькая частичка этого мира. В.В.Бибихин видит, что человек хочет жить упорядоченно тем, что упорядочивает, но разоблачает это желание тем, что порядок уже есть. Есть закон, по которому все и по которому мы не можем не жить даже при желании. Как же нам быть, если идти надо самим, но за тем, что мы не знаем? То есть мы не должны идти ни за чем из того, что знаем, но за тем, на что должны решиться.

Получается, что В.В.Бибихин говорит о философии так же, как мы говорим о нем: он для нас не тот, за кем мы поведем мышление. Мы не

21 Бибихин В.В. Философия и техника// Другое начало. - СПб.: Наука, 2003. С.347-362.

22 Хайдеггер М. Что зовется мышлением?. - М.: Академический проект, 2007. 351 с.

23 Бибихин В.В. Мир. С.108.

находим никаких ориентиров. Отец умер, говорит Одинокое, и с этим толкует Розанова. Но Бибахин сомневается: «Розанов не обязательно станет теоретиком нового активизма, программой для распускающей себя личности. Вообще распускание личности совсем не то самое что распускание деревьев в саду, где задумчиво он бродит [именно бродит - в настоящем времени - потому что он не умер ещё, не «прочно умер»]²⁴. Мертвый Отец, смерть Бога для одиноковых санкция на возможность всех срезать²⁵. Это открытие, которое распускает, дает толчек для «нового активизма». Владимир Вениаминович не утверждает неверность открытия. Но его оно приводит к другому. К самостоянию и к обращению слуха к зову «смерти отца». Владимир Вениаминович старается услышать, что говорит смерть отца, а не разрешиться в действии: «Для одинокого это главная достоверность, трагическая санкция на свободу распорядительного действия. Мы читали Розанова иначе: наоборот, каменная задумчивость, амехания, замороженная неспособность запустить в ход говорящие механизмы сделали его непричесанную литературу концом литературы»²⁶. Смерть В.В.Бибахина для нас, смерть М.Хайдеггера для В.В.Бибахина или смерть В.В.Розанова для Одинокоева не новость. Это не ново, мы знали и раньше об этом. И мы всегда сможем найти недочет в них, в их жизнях, работах. Но дело, которым они были заняты, вещи, которые приковывали их внимание, а их жизни и работы как собранные этим вниманием, вот что говорит смерть отцов нам.

24 Бибахин В.В. Возвращение отцов// Другое начало. С.252.

25 Там же. С.242: «Смерть отца неизменная опора одинокого, основание, на котором он судит и пишет».

26 Там же. С.253

Дело В.В.Бибихина и право

Как же это связано с правом? А разве открытие права, как открытие смерти отца, не должно повернуть наш слух в другую сторону. Что тогда будет раннее введение в право, которое есть «деловая» цель курса «Введение в философию права»? И что тогда значит «деловое», «дело», когда об этом говорит Владимир Вениаминович, если он останавливает нас от наших дел и заставляет сесть и задуматься? Если взглянуть на это слово «деловое» вне контекста, то, возможно, это прояснит *дело*. И прояснит именно Дело через самого же Владимира Вениаминовича. «Так одна девочка каждый понедельник составляла себе подробнейший план упорядоченной, правильной жизни и каждую субботу удивлялась, почему он оказывался невыполнимым. В таком же положении правительство, которое с комической серьезностью после квартала, полугодия, года отыскивает причины, почему его программы не осуществились»²⁷. Это то, от чего Владимир Вениаминович предостерегает и «деловая цель» введения в философию права не план, конструкцию создать, а осознать необходимость раннего вхождения в (даже не право) пространство права. Ин-струкций, кон-струкций не будет. «Работа разбора нужна всегда. Мы никогда не на пустом месте, мы всегда уже захвачены, только ещё не разобрались как следует, чем. Мы всегда в положении»²⁸. Не разобрались, но и разобратся как-то раз и навсегда нельзя. Мы всегда в каком-то «положении». И как неожиданно мы сталкиваемся с *делом* (с тем, что В.В.Бибихин называет *Делом*) в месте, казалось бы, самом далеком от темы права и положения в России - в курсе о первой философии («Собственность») при обсуждении вещи в себе И.Канта (даже не «Критики практического разума»): «Современное немецкое *Sache*, вещь-дело, идет от древневерхненемецкого *Sahha*, спор, *тяжба* (судебная), и родственно глаголу *suchen* *искать* (ср. наше *иск*), *вынюхивать*, *знать*. Едва сказав «вещь

²⁷ Бибихин В.В. *Собственность. Философия своего*. СПб., 2012. С.40.

²⁸ Там же.

вообще», Кант словно сразу одергивает себя: нет, остановиться на этой абстракции не удастся; его пером ведет понимание невозможности такой усредненной вещи вообще. Всякая вещь, Ding, - это дело, Sache, тяжба, искание, и значит в ней заложен «интерес», разница, делающая её разной, не равной себе»²⁹. Право вплетено в философию? Или философия вплетена в право? Но независимо от ответа на любой из двух вопросов остается одно требование: заниматься делом, собственно делом. Дело это единственное, что нам остается делать. Не в смысле занимать себя, как бы ставить на свое место дело, занимать себя им³⁰. И не в смысле заняться наведением порядка, разобраться (проанализировать). Но быть захваченным делом, требованием, зовом своего собственного. «*Собственно свое* не то что непознаваемо, но попытки познать, исследовать, вычислить, испытать его уводят от него»³¹. Но мы так и не ответили на вопрос, что значит делать дело, как его делать? Тут самое сложное, в том числе, видимо, и потому, что нет и не может быть руководства к действию: «Кант говорит, обозначая эту крайнюю, для человека высшую трудность своего: «Как там может обстоять дело с предметами в себе и отделенно... от всей этой рецептивности нашей чувственности, оказывается нам п о л н о с т ь ю н е и з в е с т н ы м »³².

Дело, к осознанию которого подводит Владимир Вениаминович, невозможно сложное. Оно, чтобы быть действительно нашим делом, требует предельного усилия, которое мы должны держать. Иначе мы или совсем теряем дело или скатываемся (в силу права или право силы; в писанный или неписанный закон; бесконечное упорядочивание (пример девочки и правительства) или апатию перед невозможностью охватить всего)._

29 Там же. С.107-108

30 Также как вульгарное «поставить на место» - дело или человека - невозможно. Они, во-первых, уже имеют место, а, во-вторых, не в нашей силе их перемещать. Но даже до всех этих «препятствий», мы должны были бы остановиться перед не-обходимым вопросами: «Хорошо ли ставить на место?» и «Как ставить на место так, чтобы было хорошо?».

31 Бибахин В.В. Собственность. Философия *своего*. С.109.

32 Там же. Разрядка моя - А.М.

Что же следует из проведенного чтения В.В.Бибихина? С одной стороны, сплетение тем, слов в один большой клубок, называемый текстами Владимира Вениаминовича и который предстает для нас не как готовое решение, а как приглашение к усилию мысли. С другой стороны, сплетение делает не В.В.Бибихин, он скорее проясняет настолько, что становится видно это сплетение и с каким громадным мы имеем дело (или стараемся к этому делу подойти).

После краткого введения в философию, то дело, которым занят В.В.Бибихин, мы переходим к тому, что напрямую связано со сферой дела - политике и праву.

«Необходимость права» в «Введении в философию права» и философское «надо» или философский императив в философии Владимира Вениаминовича Бибихина.

Основная работа В.В.Бибихина по философии права называется «Введение в философию права»³³. Прояснение необходимости раннего (до конфликта, до практической необходимости) вступления в сферу права, как уже упоминалось раньше, Владимир Вениаминович называет деловой целью курса³⁴. Это представляется напрямую связанным с тем, что разъясняет В.Бибихин чуть позже: «Особенность философских императивов, к числу которых относится обязанность следовать праву, норме, долгу, заключается в том, что они предписывают то, что так или иначе уже есть»³⁵. Философский императив это не что-то, что призывает, не что-то, что заставляет изменить и дергаться (как от падучей). Но философский императив говорит о том, что есть всегда и мы никуда от этого уйти не сможем. Это не-обходимое. Оно стоит так на нашем пути, что его не обойти. Так же и право не обойти. «Мы уже в нем» - говорит В.В. Бибихин. Что же тогда является вхождением в область права? Что тогда может значить войти в область права, если мы всегда в праве?

Во-первых. Если мы оглядимся в этом моменте, то наличности права не увидим; если будем вспоминать, то опять же право само по себе не показывается. Права нет. Но, говорит Бибихин, есть прагматическая задача показать не-обходимость вхождения в право. То есть не-обходимо, что мы находимся в праве как рыбы в аквариуме. И для того, чтобы это понять, нужно не вынырнуть, а поймать раннее различие собой права. И тем самым невозможность сделать или мыслить не по праву³⁶.

33 Бибихин В.В. Введение в философию права// Собрание сочинений. Т.2. М., 2013. С.7: «Книга «Введение в философию права» возникла на основе лекций, которые В.Бибихин читал в МГУ (2001-2002) и позднее в Институте философии РАН (в измененном примерно на треть виде)».

34 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.22.

35 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.56.

36 Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб., 2012. С.126; Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики// Изд. подг. А.В.Лебедев.

Второе. Наша жизнь уже в праве и без различения права мы жить не можем. Но это не значит, что наша жизнь правомерна. Мы не знаем ответа на вопрос: «Правомерна ли наша жизнь?», - хотя бы потому, что мы только спрашиваем о сути права, то тем более не можем соизмерить правом жизнь. Конечно, надо будет учесть и невозможность нами использовать право как линейку³⁷.

Опять опасно сорваться и сказать, что: «Возникает проблема введения жизни в правовое русло», - но мы уже дали слово читать философский императив как не призыв биться в приступе падучей, а как то, что заставляет увидеть всеобщее/необходимое/то, что есть. Наша главная проблема понять, что есть право. А для этого поставить вопрос о сути права. Это ход, который может вывести нас из сумерек правового к правовой ясности.

Возможно в необходимости начинать с очевидности кроется причина не совсем ясных примеров Владимира Вениаминовича, таких как: право мафии, государственное неправое, писанное не право и неписанное право. Право как таковое не дается нам, но бликует: оно как бы есть, но присмотревшись мы должны признать, что его нет. С одной стороны, само собой разумеется, что право есть в государстве, а мафия, преступные общества права не имеют, но у мафии и порядок крепче чем в государстве, и объединены они чем-то более крепким, чем тексты. С другой стороны, в государстве и сила, и справедливость, и равенство, что как бы свойственно праву, но произвол закона и власти заставляет усомниться, что право в этом (сила, справедливость, равенство). Тут, кажется, применима загадочная фраза Бибихина: право присутствует своим отсутствием.

- М.: Наука, 1989. С.209-213. Гераклит, говоря «Все течет все меняется», напоминает нам, что мы уже в реке и не будет второго раза. Все уже и так течет и меняется и поток несется неостановимо.

37 В том числе и отсюда следует абсурдность придумывания правил и выстраивание поведения по этим правилам. Эти правила уже наши, уже конструкты, а не право. Следовательно и жизнь по этим правилам - сконструированна.

Присутствие способом отсутствия

Обратим внимание на места, в которых Владимир Вениаминович говорит о присутствии способом отсутствия.

1. «И есть вещь хуже, чем потеря времени, - забыть и не терзаться оттого, что мы теряем время. Если мы в панике, значит смысл нашего времени по крайней мере для нас ещё присутствует как отсутствующий»³⁸.
2. «Мира нет, поэтому указать на него, конечно, нельзя. Однако отсутствующий мир присутствует в парадоксальном «надо» Гераклита»³⁹.
3. «Смысл присутствует как отсутствующий и искомый. Способ присутствия «логоса» - ускользание»⁴⁰.
4. «В нашем надрыве от нашей неустроенности целое - то, которое похоже на спасение, - присутствует кричащим отсутствием. Присутствие отсутствия мира - вовсе не ничто и не пустота или это такая пустота, о которой Розанов говорит, что, кажется, только знай заполняй её чем угодно, настолько она открыта, но попробуй начини - и ничего не выйдет, она все отталкивает. Она пустота, но не для всего; она пустота мира, готовая впустить в себя только его»⁴¹.
5. «Рай отсутствующий поэтому присутствует так близко, как это только возможно. Острота его присутствия в безмерности горя»⁴².

Из приведенных отрывков видно, что присутствует отсутствуя: смысл, мир, целое, рай. Они отсутствуют тем, что их налично нет, но они есть необходимое, то без чего нельзя. Не может не быть мира. Он должен быть. Не может не быть рая, если мы так хорошо чувствуем его отсутствие. Но узнать о том, что такие вещи есть можно обращением внимания на их вызывающее

38 Биbihин В.В. Мир. С.68.

39 Биbihин В.В. «Философское «надо»»//Язык философии. С.120.

40 Биbihин В.В. «Правящая молния»//Язык философии. С.140.

41 Биbihин В.В. «Русская мысль»//Язык философии. С. 368.

42 Биbihин В.В. Закон русской истории//Другое начало. С. 64.

отсутствие.

Тогда отсутствие права укажет на его присутствие более надежное; отсутствие оставит пустоту, которая может быть заполнена только самим правом; право отсутствует и присутствует как близкое «как это только возможно»; хуже отсутствия права не замечать, что его нет. Следовательно, право присутствует надежно как самое близкое, что имеет место и для нас необходимо заметить его.

Мы пришли к формулировке философского императива. Если ли это случайное совпадение лишь текстуальное или присутствие отсутствующего необходимо связано с философским «надо»? Ведь право нас заставляет его увидеть, если мы заметим как близко к нам, как рано проходит различие права и неправа. И Владимир Вениаминович говорит в «Философском «надо»», что Гераклит нас не призывает, а заставляет своей фразой увидеть всеобщее, но не думать что можем оригинально. То есть вопрос не в том, что есть, а остаемся ли мы идиотами, считающими возможным установить любое право по нашему «разумению» или посмотрим на то, что есть.

Конечно, возникают сразу сомнения: есть ли действительно право так, как мы говорим; действительно ли мы вынуждены (нам необходимо) задаваться вопросом о праве (а не о пользе, выгоде, удовольствии, порядке просто)?

Ведь углубляясь в вопрошание, а точнее следуя за призывающим вопрошать, мы не обязательно решим все свои проблемы. К тому же мы отвлекаемся от практических проблем. Кажется, что идя на поводу у Владимира Вениаминовича (и Гераклита) мы отворачиваемся от реальных проблем и начинаем попусту тратить время на болтовню, переговаривание фраз других людей, переставляя почти одни и те же слова местами уверяем себя, что в нашей речи есть смысл.

И все же от В.В.Бибихина прагматика мысли о праве не ускользает. Во-первых, прояснение совершаемое им позволяет в некоторых случаях четче

увидеть что есть право и разницу права и неправы. В то же время очевидной становится невозможность указать критерий различения, то есть невозможность раз и навсегда данного понятия права. Во-вторых, с чего Владимир Вениаминович начинает лекцию «Политика» Аристотеля - базовый трактат европейской цивилизации по философии права...»: «Право дает право человеку быть свободным, говорить открыто без страха... Философы, если они поступком не обеспечили себе такой свободы, если не могут опереться на всенародные законы, обречены вести шепотом в темных углах бесполезные разговоры о том, чего не знают на опыте»⁴³. Философии без права быть не может. «...прежде чем иметь философию и, шире, науки, надо построить политику. Никакая наука не может создаваться исподтишка. Надо быть уверенным, что ты занят правым делом»⁴⁴. То есть и право и поступок философа должны быть до науки. Об этом говорят и Цицерон и Аристотель. Настоящая наука возможна только в свободном (открытом, по Попперу) обществе, где возможна критика. Свобода же понимается Владимиром Вениаминовичем через свое собственное. Свобода заключается в справедливости (выбора мной моего). «Выбирать надо только то добро, которое мне хорошо, в котором я вижу свое осуществление. Что именно мне хорошо, это скажем мы своими словами, тайна моей свободы»⁴⁵. Мы дошли вслед за В.В.Бибихиным до момента, когда политика и право растворились - мы не можем их определить.

Как бы это ни было удивительно, В.В.Бибихин показывает растворимость всех основных понятий⁴⁶, о которых он говорит. Энергия - неопределима, лес - неопределим, язык, слово - также не определить. Но не только не определить, но и не понять эти вещи-слова. Вот эти вещи, которые заинтересовывают В.В.Бибихина, не есть измышления, конструкции. И их не достиг никаким про-ектом (забросом, забрасыванием). Для Бибихина не

43 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.416.

44 Там же. С.418.

45 Там же. С.420.

46 В случае Владимира Вениаминовича хочется сказать «вещей».

должно быть в философии никаких программ - это уже не философия⁴⁷. Бибихину и нам вслед за ним остается только стоять перед тем, что есть⁴⁸.

Настоящее больше человека тем, что неохватываемо человеком: ни познать, ни захватить целое нельзя. Этому Владимир Вениаминович дает как минимум два объяснения: целое больше возможностей человека⁴⁹ и целое, поскольку оно настоящее - свободно и не приручится, оно свободно ходить по своему.

Следовательно, мы должны мочь выстоять перед тем, что есть, но что мы в то же время, не можем определить, поставить свои рамки, установить в соответствии со своими проектами. Смысл как раз в том и состоит, что нас задевает именно то, что есть действительно, которое мы определить не можем. Мы можем быть захвачены только тем, что обуздать не можем.

47 Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.228: «...цель фило-софии филия, захваченность хваткой мира такая, что захват мира, в обоих смыслах, и захват нами мира и захват миром нас, захватывает нас так, что для рефлексии как отражения, слежения со стороны, не остается места». Загадочное определение философии из записей к семинару к курсу «Пора»: «Почему мы *заинтересованы* в том, чтобы время терялось: это как нелюбовь к философии, воображение, что философия вроде исчисления, словаря или расписания. Философия это открытость во времени: в то, что чем мы зацеплены, располагается во времени - не так что оно есть и ещё длится во времени, а так что его нет иначе как в сбывшемся, наступающем и настоящем: оно и есть как сбывшееся, настоящее и наступающее» (Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.183).

48 Хотя откуда у нас уверенность в том, что есть и в том, что мы есть и можем стоять?! Этим уверенностям взяться как бы неоткуда, хотя сами они очевидно есть.

49 Так человек находится в мире, но познать мир не может, потому что мир - это все.

Возвращение к философскому императиву

Итак, государство может отвернуться от права, от желания отчетливо знать, что право и политика есть⁵⁰. Но и тогда государство сначала с правом - ведь решение отвернуться от права - правовое. Так выходит? Если слушать В.В.Бибихина то, кажется, так.

Сначала хочется задать вопрос: «А почему права не может не быть совсем?» Почему государство, принимая решение, всегда как бы уже в праве? Бывает же, что совсем нет. Как небытия. Но право именно всегда уже есть. В связи с этим вопросом интересна другая сторона медали: «человек есть живое существо политическое, мы скажем - государственное, в большей мере чем пчела»⁵¹, - вне государства человека нет. Человек или будет следовать логосу, или он не будет осуществляться как человек. При этом Владимир Вениаминович замечает: «Во времени разворачивается ряд пользы, нужды, необходимости, со временем начинает вести встречный ряд смысла, логоса. В конечном счете все подчиняется ему. Это видно по тому, насколько люди не берегут самое успешное обустройство...Исторические примеры достаточно показывают, что люди приносят себя в жертву в конечном счете идее, понятой верно или неверно. Начавшись, возможно, с соображений пользы, человеческое общежитие в конце концов отдает себя таким вещам как священная война, справедливость, защита высших ценностей, борьба за свободу, т. е. правит историей все-таки не нужда и не выгода, а логос»⁵². Как это понимать? «Люди не берегут самое успешное обустройство», - значит успешное обустройство не логос и не государство, в котором только и может осуществиться человек? За государство, за идею Афин и Спарты соответственно воевали в Пелопонесской войне. В самом начале «Введения в философию права»: «Решение о выходе в сферу принципа, которую

⁵⁰ Можно ли сказать, то не только знать, но и быть правовыми и, следовательно, быть по праву, поскольку они не будут знать тогда своего. Или знать необязательно?

⁵¹ Бибихин В.В. Введение в философию права. С.422.

⁵² Там же. С.423-424.

Мамардашвили называет собственно политикой, или демократией, должно быть однако принято. Встать на принцип должно быть естественнее, чем забота о еде и ценности тела»⁵³. Политическое положение человека держится на принципе (за принцип) или на идее, а не на успешном обустройстве, которое скорее следствие выхода в сферу политического и, следовательно, упорядоченного. Упорядоченность же через самодостаточность приводит к открытости миру «органическому включению в космос (когда государство (полис) могло бы надеяться на политическую вечность)»⁵⁴. И нам надо иметь в виду, что желать от философии права руководства к устройству права или государства не умно, потому что философия права говорит не о устройстве.

То есть политическое, правовое - это возможность исторического существования, существование человека человеком - то есть свободным человеком, у которого есть свое человеческое, а не рабом. И это существование в основе имеет что-то такое, чего мы увидеть не можем, чего удивительным образом нет.

53 Там же. С.24.

54 Там же. С.424.

«Надо»-нужда-нищита

Философское «надо», как уже было сказано, только открывает глаза. Так ли безобидно это открывание, что не имеет значения, знаем ли мы или нет? «Не только не бессмысленна растерянность перед автоматом Софии (настоящим), но и единственно - как сказать? Выгодно, престижно?...Нужно, должно?»⁵⁵. Кажется, что это очень важно, но зачем? Мы не знаем своей нищеты, не знаем, что нужно. В.В.Бибихин пишет, что на самом деле нужно именно ненужное. Но почему не просто нужно нужное? Потому что мы как-то можем без него, то есть не такое оно и нужное. Нужное (нуждное, нудное) есть привходящим образом, но можно и без него обойтись. Ненужное совсем другое. Ненужного мы лишены совсем, его нет даже как нужного для нас. Владимир Вениаминович открывает нам глаза на богатство, нищету и собственность. Настоящее богатство не то, которое от большого количества денег и вещей. Настоящая нищета не от недостатка денег и вещей. Настоящая собственность не во власти над чем-то. Мы можем проснуться к новому пониманию нищеты. «Ненужное может не открыться, его наверное нет, но тогда тем острее - и это от нас зависит - мы разрешаем себе быть нищими и здесь тоже, и никакой паники не хватит, чтобы было достаточно для открытия этого лишения: беспросветное отсутствие ненужного в нас и вокруг нас»⁵⁶. От нас зависит, насколько мы дадим себе быть нищими, то есть стоять с пустыми руками. Но только так мы можем дать быть своим своему. Мы должны дать быть собственности своего так, как только она и может быть - свободной. Об этом Бибихин говорит тут же в курсе «Пора». То, что нужно не свободно нужностью, тогда как ненужное само по себе. Нужда, если она настоящая, связывает то, в чем нуждаются, потому что ему нужно восполнить, удовлетворить нужду. Ненужное не должно пристраиваться в какое-то место. Так и право должно быть не установлено, а должно

⁵⁵ Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.243.

⁵⁶ Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.250.

показаться при стоянии перед автоматом Софии (а может и не показаться). Мы нищие правом в том числе, потому что праву нужно оставить быть правом и только в него вглядываться, искать, разбираться. Само же право нам дано, взято быть не может.

К праву

Если стерпеть сразу отвечать на поставленный вопрос, мы обнаружим несколько правил мышления о праве у В.В.Бибихина.

Во-первых, и, наверное, главное, право всегда остается правом. Читая «Введение в философию права» в разных местах мы увидим такие утверждения как «право нуждается в силе», «право может отождествиться с государством». Несмотря на все эти места и иные, где бы право показывалось в тесной связи с иными явлениями (силой, властью, насилием, моралью) - остается одно, что право или остается правом (пусть с необходимостью сосуществования с чем-то) или заменяется и тогда права уже нет. С другой стороны, неправильно будет понять фразу «право всегда остается правом» в смысле, что право всегда есть. В этом тезисе ещё даже не поставлен вопрос о существовании права, то есть пока ещё за скобками находится вопрос о том, как и благодаря чему существует право, как оно действует.

Постараемся определить, как характеризует право В.В.Бибихин. Во-первых, он говорит о писанном и неписанном (неуставном) праве. Кажется, что это деление двух видов, но читая: «Право не только не обязательно записано в конституции, оно в *большой своей части не записано и не может быть записано нигде, оставаясь «неуставным» в смысле принципиальной неопределимости...* Надо *одновременно* понимать, насколько позитивное право и неуставное право различны и насколько они переплетены»⁵⁷. То есть, понимая не одновременно различность и переплетенность, понимать будем неправильно. Упрощением тогда было бы сказать, что право всегда должно быть записано или право независимо от позитивно установленного или раньше право было устным, а теперь письменное. Нет, надо держать, что правила записаны

⁵⁷ Бибихин В.В. Введение в философию права. С.26 (разрядка и курсив мои - А.М.).

быть могут, но право остается всегда принципиально неопределимым. Во-вторых, В.В.Бибихин говорит о праве и неправоте. Право, с одной стороны, связано с законом, порядком, моралью, государством, с другой, все кроме права может стать неправым. «Оглядка на Бога и на мудрость земли есть как в уставном праве, так и в неофициальном. Есть стало быть уровень закона (права) - мы об этом говорили - в принципе не эксплицируемый»⁵⁸. Помимо различия права на официальное и неофициальное, писаное и неписаное, естественное и неестественное, а точнее до этого, право есть как что-то, что, когда мы на него обращаем внимание, уже предстает нам со сверхестественным обоснованием (Бог, мудрость земли, мудрость легендарных царей). Также В.В.Бибихин замечает, что право сильнее, выше, раньше меня. Я предстою перед правом как тот, кто меньше права и на право извне права смотрит, но ничего противопоставить ему не может⁵⁹. «Ссылаясь на другие разработки и исследования, вкратце скажем только, что нечто сравнимое по основательности с правом государства я смогу найти только в свободе своего собственного. Пусть это звучит пока сейчас как загадка. Привативно, как ещё не найденное, своё собственное оборачивается принудительностью и чужестыем права»⁶⁰. И это, звучащее как загадка, возможно, станет ключом к пониманию (удержанию понимания) права у В.В.Бибихина. Для начала бросающийся на нас вопрос: свобода своего собственного противостоит праву, является ли неправым (то есть незнанием; лукавством, обманом; прямым преступлением)? Да, противостоит государственному праву. Но, видимо, не противостоит праву самому по себе, поскольку «свобода своего собственного», то есть

58 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.62-63.

59 Там же. С.63: «Найти в себе опору, которая была бы сравнима по надежности и мощи с силой государственного принуждения, трудно».

60 Там же. С.63.

свое самого по себе не может противостоять праву⁶¹. Вспомним момент из книги «Язык философии», где В.В.Бибихин говорит о земле, на которой надо разбить сад⁶². Сад на этой земле должен быть по праву. То есть человек не совершает насилия, не идет против права, когда разбивает сад, потому что сама по себе эта земля требует (это её свобода, то есть своё) сада. Поэтому, когда Владимир Вениаминович говорит о свободе своего собственного, он говорит о праве же, но не праве государства (цель которого общее благо) или чего-то ещё, но праве (свободе) своего собственного, то есть о той свободе, которая раскрывается в самом по себе и поэтому во всеобщем. Это всеобщее действительное. Общее благо сращено с государством, но каждый раз воплощение права и государства скатывается в необходимость легитимирующей инстанции (Бога, традиции). По праву же право будет иметь то, что подчиняется только свободе своего собственного. Этому праву не нужна никакая инстанция, с которой нужно сверяться, кроме вещей самих по себе. Эти вещи, которые остались в *respublica, ting*⁶³ и напоминают о себе.

61 Бибихин В.В. Свое, собственное//Собственность. Философия *своего*. С.385: «Вещь принадлежит тому, кто ей возвращает ее саму, обращается с ней по ее истине. Истина вещи может включать и ее свободу от меня. Я делаю ее *своей* тем, что уважаю ее самостоятельность. Перед такой *собственностью* всякая другая тускнеет.»

62 Бибихин В.В. Язык философии. С.90-91: «Язык есть разбиение (*Aufriß*) мира в том смысле, в каком мы говорим о разбивке сада. Разбить сад значит всё-таки больше чем просто истолковать его, хотя верно то, что в каком-то смысле он всегда уже есть и осталось только вывести на свет его устройство. Разбить сад значит создать его, но не так, чтобы распланировать на пустом месте такое, чего нет и не было в замысле земли, отведенной под сельскохозяйственный проект. При разбивке сада действуют не без оглядки и не насильственно. Садовод овеществляет тот порядок и строй, каких сад — не идеальный архе-типический сад, а тот, который должен подняться на вот этой земле, — требует сам как такой, которого конечно еще нет и никогда не было в этом месте, но который должен быть в том смысле, что место к нему расположено. Сада и абстрактного плана сада нет до разбивки, и всё же мы не придумываем сад, он заложен в самой сути земли потому, что земле пристало быть садом с такой очевидностью, что наоборот не быть им ей неестественно. Сад должен быть разбит потому, что земля, которая не сад, как бы еще и не земля».

63 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.57.

Итак, мы, постаравшись пройти вслед мысли В.В.Бибихина, обнаружили:

во-первых, что стараясь схватить право, мы пытаемся найти маркер, который позволил бы с легкостью всегда право находить, с другой стороны, позволил бы однозначно определить, что есть право (с помощью указания на совокупность маркированного); в процессе хода рассуждения мы вынуждены признать, что маркера нет или нет по крайней мере того указателя, который нами мог бы быть использован, при-ручен;

во-вторых, что ни в какой обычно обсуждаемой оппозиции или характеристике права⁶⁴ мы не можем найти то, что указало бы на право. К примеру, если мы пытаемся определить, является право по существу писанным или неписанным, то должны констатировать, что надо понимать принципиальную различность и сплетенность первого и второго;

в-третьих, праву всегда присуще ссылка на санкционирующую его инстанцию и непосредственно с этим связано, что есть в праве принципиально не эксплицируемо, то, что принципиально нельзя выявить, предъявить.

Узнали ли мы что-то, читая так В.В.Бибихина? Скорее наоборот, мы стали не знать больше. Мы стали понимать, что, оказывается, на каждом шагу вопрос. В том числе вопросом стало и то, как право вообще возможно, если мы не знаем, как оно есть, как сделать так, чтобы оно было. Этот ряд вопросов может быть прояснен тем, что мы говорили о решении у В.В.Бибихина.

64 Там же. С.8-10. - Из программы лекционного курса: право и дисциплина, право и норма, писаное и неписаное право, право и порядок, право и сила, право и мораль, право и религия, право и государство, право и принуждение, право и закон. Ни одного из перечисленного, ни всего вместе, ни по отдельности недостаточно для определения права (видимо, помимо самого права).

Как уже было сказано, прояснение необходимости раннего (до конфликта, до практической необходимости) вступления в сферу права - деловая цель курса «Введение в философию права»⁶⁵. Вступление осуществляется как? Для этого нужно решение. Мы оказываемся как бы отделенными решением от права и зачем-то должны это решение принять. Что станет с правом после нашего решения? Возможно, что это решение есть возможность праву быть, несмотря на то, что право есть и без нашего решения. Право есть, потому что решением право не придумывается, не создается. Не выдумывание норм, которым будем подчиняться, не придумывание права «вообще» - не для этих целей решение, о котором говорит В.В.Бибихин. Решением мы поворачиваемся к праву, к тому, что есть и что должно быть замечено и чему необходимо следовать. И несмотря на это, без нас права нет, без нашего решения права нет.

В статье «Понимание божественного слова» читаем: «К тому, что сказал я о философии не хватает чего-то. Сказанное ноль, пока нет вашей догадки о главном и вашего решения»⁶⁶. Сказанное не текст, но Слово. «Решит наше слово», - говорит про нас В.В.Бибихин, но решит только для нас. Для других решит только их слово. Тогда, чтобы сказанное было не нулем, нужна наша догадка о главном и наше слово, которое решит для нас? Или наше слово решит для нас, а мы решим для сказанного, но не словом? И зачем здесь догадка о главном? Сказанное, будучи набором знаков, текстом может задавать возможные значения себя. Ничего, кроме гаданий о значениях мы не получим, смотря на сказанное так. Догадка о главном отличается от гаданий тем, что позволяет увидеть, что имеется в виду. Гадания приведут к перебору, в котором не будет возможности выбрать из всех вариантов один. При таком подходе мы стараемся

⁶⁵ Там же. С.22.

⁶⁶ Бибихин В.В. Понимание божественного слова//Слово и событие. Писатель и литература. М., 2010. С.21.

пристраивать к тексту значения. Догадка о главном как понимание сказанного целиком, понимание сказанного, которое не заключено в сумме значений знаков и показывает нам слова, имеющими свое место, дает возможность решения⁶⁷. Зачем здесь решение? Оно не то решение, которым мы выбирали бы значения для текста. Это решение читать сказанное в свете догадки о главном, решение пойти по пути этой догадки, которая ещё неизвестно к чему приведет. Это решение похоже на веру в Слово, которая ведет в чтении⁶⁸. Когда Владимир Вениаминович говорит о Данте, что он верит в него, бессмысленно понимать это как попытку реанимировать Данте. Наоборот, это вера в Слово Данте, которое дарит и дар возможен только в вере в Слово, а не в

67 Бибихин В.В. Чтение философии. СПб., 2009. С.12: «...Василий Васильевич рассказал, что ещё в школе или в начале института как-то зачитался взятой в библиотеке философской книгой, да так, что его странно захватило, мороз по коже пробирал и голова кружилась. ... А что, я скажу, разве лучше, а не хуже читать с мозолистым умом, уже без мурашек, головокружения, «анализируя текст»? Хуже. Потому что тогда уже у нас не будет даже и растерянности перед философией, и в названии «чтение философского текста» не будет слышаться уже ничего недолжного, подозрительного, нам будет казаться, что все в порядке: а что, разве нет философского текста? И разве не надо его читать? И разве это не занятие как другое занятие, требующее искусства, метода, навыков, правил, чего еще в этом роде - установки, тренировки, опять хватки, метода?»

Установка тоже бывает всегда уже вторичной...». - Столь длинная цитата необходима для прояснения «догадки о главном» несмотря на то, что, строго говоря, в цитируемом отрывке формально речь идет о другом (а именно о состоянии растерянности перед философией). Во-первых, догадка о главном тоже не есть схватывание, метод, установка. Также как и растерянность догадка захватывает нас или есть как раз догадка о собственной захваченности. Во-вторых, эта догадка также как и растерянность неизвестно перед чем стоит. Это именно догадка, а не знание.

68 Письмо В.В.Бибихина О.А.Седаковой из Ожигово от 16.09.1992// <http://gefter.ru/>: Гефтер. 2012-2016. URL:<http://gefter.ru/archive/13476> (дата обращения 18.04.2015): «Т.е. я рисковую и веду себя как камикадзе, но то, что он подхватит и поддержит всегда, я в это верю и вера одна (sola fide) пусть меня спасает. Так же и в разборе Вашего дикого шиповника — разбор как выброшенного на рынок товара («все разобрали», хочу все разобрать в диком шиповнике, имею право — не думайте только, что это говорил); «...думаю все об одном: как бы не предать, как бы не упустить, насколько его прямота и простота, сродни пушкинскому «и божество и вдохновенье и жизнь и слезы и любовь», обеспечена вещами делом, насколько эти слова не слова, перехожу в крик отчаиваюсь не могу молчать и поддержку от Данте все-таки в конце концов получаю, потому что когда он хочет вытряхнуть зло и ложь из мира, «как пыль из ковра», то в нем электрическая искра такого напряжения, что все-таки проходит через слои веков».

придирках к словам. Дар неожиданный, не рассчитываемый. И точно так, как догадка о главном это догадка о главном сказанного и главным читающего, также и дар это дар читающему о главном и Слова и читающего.

Что это за решение, о котором говорит В.В.Бибихин? Мы уже увидели, что это не решение делать/ не делать, но решение, допускающее быть чему-то. Владимир Вениаминович уточняет, что допустить не в смысле «допустим, что», не в смысле пред-положения, а в смысле допущения быть самому по себе вместе с прекращением попыток схватывания, в которых всегда упускается⁶⁹.

Но зададимся логичным вопросом: решением мы даем быть праву, Слову для нас и ему самому по себе? С другой стороны: до решения право и Слово есть только для себя, но не для нас? Кажется, что право есть и без нас: «...попробуем теперь сразу войти в реалии права. Теснящие нас реалии не зависят от человеческого мнения и *решения*»⁷⁰. При этом они не только есть независимо от нашего решения, но и теснят нас независимо от нашего решения. Или мы неправы и решение тут другое, а при том решении, о котором мы говорили раньше, реалии права от нас будут зависеть? Или вообще может быть «реалии права» и «сфера права» разные вещи? Тут мы помимо темы решения должны начать и тему долженствования следовать праву (быть в сфере права): «Особенность философских императивов, к числу которых относится обязанность следовать праву, норме, долгу, заключается в том, что они предписывают то, что так или иначе уже есть. В пространстве права мы привативно, т. е. по способу лишения,

69 Бибихин В.В. Узнай себя. - СПб.: Наука. 1998. С.407: «Связь и смысл творчества дается решимостью, способностью отказаться от собственных плетений и *допустить* до себя, *допустить* себя в настоящее». (Разрядка и курсив мои - А.М.).

70 Бибихин В.В. Введение в философию права. С. 64.

находимся и тогда, когда не решаемся в него вступить; мы пассивно открыты принуждению, а в остальное время вырабатываем в себе навыки ускользания от него»⁷¹. Мы, не принимая решения быть в сфере права, можем его избегать, не думать о нем, но это уклонение, ускользание от требования, обращенного к нам. Это «надо», преследующее нас. «Право или неправое осуществляемое над нами принуждение, мы знать не можем, потому что не взяли на себя задачу *решения*. Поведение, обходящее закон, тоже тем самым подчинено закону. Слабость закона дает то преимущество, что его можно обойти, но эта выгода меньше, чем неудобство от выполнения одновременно двойной задачи, обход закона и ориентировка в беззаконном пространстве»⁷². Обнаруживаем ещё одну черту решения. Без решения последовать догадке о главном, о том, что право, мы не можем знать право и неправое, правовое и неправовое, не можем различить одно от другого. С другой стороны, даже обходя закон, мы должны видеть, что обходим. Но, видеть без решения мы сможем только как внешнее принуждение; видеть право и что в праве мы без решения, не можем.

Решение нужно в главном. Мы находим упоминание о решении у В.В.Бибихина в «Узнай себя»: «Надо отдать себя настоящему, решиться [...] Так решившись, по-настоящему и раз навсегда дав себе обещание, что никогда больше не осядем в пустое занятие самокопания, мы обещаем себе пойти делать настоящее дело. Всё, со старым покончено. Надоело. Перед дорогой надо по обычаю присесть на минуту. За минуту можно понять многое. Мы сюда пришли для познавательных целей, а сейчас решили, что бросим навсегда постылый самоанализ. Мы опростимся, забудем себя. Такие вещи называются обращением. Мы были неприкаянные, лишние, теперь решили, станем другие. Почему

71 Там же. С.56-57.

72 Там же. С.57.

именно сейчас здесь решились, а не когда ехали сюда в метро? Ведь могли опомниться и тогда, и уже не доехали бы до этого места, где всё снова и снова одни и те же старые разговоры. — Но вот не в метро переменялись, а только теперь здесь вдруг стало ясно, что неприкаянно жить больше нельзя, что надо бросить себя на подлинные задачи. Так решили потому, что спокойно уселись и задумались. И нескольких минут мысли стало достаточно, чтобы вдруг внезапно понять: так дело дальше не пойдет, надо перемениться. И не постепенно, а сразу сейчас вот. Без раздумий. Как говорят мудрецы, о добром деле раздумывать позорно. Мысль вытолкнула нас из себя. Человек спасен тем, что способен без долгих слов шагнуть навстречу вызову. Не рассуждая. Мы и не собираемся рассуждать. Мы только заметим: мы решились на нерассуждающий шаг потому, что по-настоящему задумались. Внезапная решимость, благородная способность поступать просто входит в мысль как само существо мысли. Мысль это то опасное, откуда один шаг до поступка, или даже не шаг, а мысль это то, откуда люди оступаются в поступок. Настоящая мысль существует ровно и только в той мере, в какой она имеет смелость вдруг поступить, не потому что мысль медленно и постепенно подвела нас к решению, а потому что она вдруг расступилась в поступок так, как можно провалиться в яму, глядя наверх. Фалес шел и смотрел на звезды и провалился в открытый подвал, и служанка над ним смеялась, как он вдруг туда провалился. Фалес думал, а мысль это такая опасная вещь, что она вдруг расступается»⁷³. Мы можем постараться говорить о решении уже не просто как о том, что нужно Слову или праву, но как о том, какое оно само по себе, как о том, что мы должны. Во-первых, решение, о котором говорит Владимир Вениаминович, это, с одной стороны, отдавание себя настоящему, а с другой, отдавание себя по-настоящему. Решение такое, которое

73 Бибихин В.В. Узнай себя. С.11-12.

оборачивается нашим обращением и само есть это обращение. Во-вторых, решение принимается не в решимости, не в решительном жесте, а, наоборот, только спокойно остановившись, усевшись и задумавшись. Ничего не поменялось; но мы остановились и решили поменяться, заняться настоящим делом. В-третьих, решились не рассуждая, но задумавшись. Рассуждая без решения (которое возможно только если по-настоящему задумались) никогда не рассудим, постепенно не дойдем. Не дойдем и до поступка, рассуждая. Не задумавшись, не из мысли и поступок невозможен. Рассуждения могут быть до и после, но без решения, без мысли поступка не будет. В-четвертых, человек шагает навстречу вызову, который что? Что это за вызов? О вызове нужно догадаться и решиться шагнуть навстречу ему. Вызов это то, на что должен ответить человек, человек в существе есть то, что должно отвечать на вызовы. Выше мы читали у Владимира Вениаминовича о философских императивах, это можно назвать «надо», необходимостью. В-пятых, решимость и опасность оступиться из мысли в поступок близки до смешения. Имеет ли в виду В.В.Бибихин опасность как что-то плохое? Нет, эта опасность просто существо мысли и указание на неизвестность того, куда выведет мысль, а, следовательно, это существо свободы, в которой мы только и смогли решиться на настоящее дело⁷⁴. В-шестых, свобода. «Мы решились именно на дело. Но мы поняли, что никакого дела у нас не получится, мы увязнем в обстоятельствах, если не сохраним в самом деле свободу мысли»⁷⁵. Мы из свободной мысли решились на дело и должны сохранить свободу, чтобы делать это дело,

74 Там же. С.12: «Если мы оступиться в поступок неспособны, то мысли нет, как мы никуда не идем, если нам гарантировано что мы не споткнемся»; Там же. С.13: «Мы совсем ненадолго задумались, мысль повернулась к нам только своим краешком, и уже обернулась этим [бросить себя на настоящее, правое - А.М.] решением. Она такая, что вдруг выводит нас неизвестно куда. Без постоянной готовности быть выброшенным мыслью из мысли никакой мысли нет».

75 Там же. С.13.

чтобы решиться не впустую. Мысль выталкивает нас к решительному поступку, к делу. «Сделать какое-то дело по-настоящему можно только не расставшись со свободой, т. е. с мыслью.[...] Дело без мысли перестает быть делом, становится не делом»⁷⁶.

Конечно, у Владимира Вениаминовича помимо слова «решение» мы найдем другое до противоположности отличное слово «решение»⁷⁷. Второе решение есть принятие мер, утверждение (плана, метода, принципа), решение действовать. Этим решением я сам из себя, своими силами утверждаю, принимаю меры, рассчитываю действия. Я буду при таком решении всегда ограничен своими мерами, силами - своими границами. Но мы читали про другое решение, что оно решение на вызов не мой, решение на поступок из мысли, решение идти туда не знаю куда. «Мысль можно определить так: она то, что может выйти из себя, всегда стать другим, - не смениться другим, а сама мысль станет *другим*. Мысль это то, что опасно вдруг, внезапно открывается другому».⁷⁸ В решении, которое нужно для Слова и права это решение,

⁷⁶ Там же. С.14-15.

⁷⁷ Биbihин В.В. Мир. С. 24-25: «Пора бросить, скажут нам, словесные фокусы; так много насущных задач, их надо *решать*, а не высматривать сложности там, где уже всё понятно и просто»; Там же. С. 85-86: «В мнении человек говорит себе: вот, стало быть, как обстоит дело. Он перестает сомневаться, раз пришел к мнению, и значит, перестал сомневаться в том, что он проснулся, как однажды сознание, решив: «Я сознаю, следовательно, существую», — постановило, что оно проснулось уже окончательно. Сознание тогда проснулось. Для Гераклита мнение — не просто сон: падучая болезнь[...] Или, может быть, сон не такая «проблема», что ее можно раз и навсегда решить?»; Там же. С.132: «В самом деле, неясно, что может остановить человека, когда он что-то задумал и твердо решил выполнить свой план. В данном случае был план построить такую высокую башню, чтобы ее крыша касалась небе и чтобы человек мог, ступенями поднимаясь по ее этажам, взойти на небеса». Биbihин В.В. Язык философии. С.173: «Я решил заниматься самоанализом, но копаюсь неведомо в чем, потому что неприметно от себя ускользнул в своем решении (воле, влечении) анализировать себя. Если я решу теперь уловить, что же во мне приняло решение «углубись в психоанализ, займись этим современным делом, ведь культурный человек должен проанализировать себя», если я решусь понять, кто во мне произнес эти слова и предпринял соответствующие действия, я увижу интересные вещи, но опять не себя».

⁷⁸ Биbihин В.В. Узнай себя. С. 12.

которое приведет неизвестно к чему, но будет ответом на вызов Слова и права, следованием догадке о главном.

Решение и право в работе «Введение в философию права» В.В.Бибихина

«Вступление в правовую область требует решения, которое может быть принято или не принято, и поступка»⁷⁹. Очень просто, на первый взгляд, Владимир Вениаминович находит решение нашим вопросам. Можно даже, не приложив усилий, вообразить, что теперь мы имеем формулу права (решение + поступок = право). Все, конечно, не так. И для того, чтобы в этом разобраться, как же «так», последовательно ответим на несколько вопросов.

В формуле не хватает правовой сферы, куда мы попадаем. И вообще, можно ли говорить, что право появляется только с решением и поступком, разве нет права и до них? Реалии права есть до нас. «Теснящие нас реалии не зависят от человеческого мнения или *решения*»⁸⁰. Оказывается, что право не зависит от нас, оно будет и без нашего решения и поступка. Да, реальность права, то, что оно нас теснит независимо от нас. «Что столкновение интересов не главная ситуация, в которой мы *встречаемся* или *должны* встречаться с правом, видно по тому, что можно вполне пройти через конфликт ... не вспомнив и не подумав о праве»⁸¹. Право не просто то, что стоит в стороне и мы можем туда попасть (решив и совершив поступок) или нет в зависимости от желания. Оно, во-первых, то, что реально есть и теснит нас всегда; во-вторых, мы должны быть в сфере права.

Зачем нужно решение? В.В.Бибихин говорит: «Поступок может иметь, конечно, негативные, несобственные, превращенные формы отказа, ухода, уклонения от решения...»⁸². Поступок будет собственно

79 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.21.

80 Там же. С.64. (разрядка и курсив мои - А.М.).

81 Там же. С.21. (разрядка и курсив мои - А.М.).

82 Там же.

поступком только при решении. Также как чтение будет собственно чтением только при решении. Следовательно, решение возвращает к самому по себе (праву, слову). Чтобы быть каким-то, поступок должен следовать праву (должен быть совершен по праву). Это возможно только в сфере права. Оформленность поступка отсюда. И сам поступок может быть только как оформленный, иначе он получит определенность только негативно, как «не правовой». «Неправовое, преступное поведение тоже относится к праву»⁸³. Если оно не относится ни к чему и не является само чем-то, то это не поступок. «Вне права, как позитивного, так и неуставного, остается только размытый образ жизни в том мере, в какой он не имеет формы»⁸⁴.

То есть решение нужно для того, чтобы был поступок. Но, с другой стороны, обосновывать долженствование быть в праве (и соответствующее ему решение) как минимум странно. Можно, конечно, установить плюсы права по сравнению с неправом (и ничем - не правом и не неправом)⁸⁵. Но от этого нас остановит В.В.Бибихин. Зачем он так долго (большую часть курса) читает А.Кюстина? Потому что ему нужен другой взгляд на то, что нам близко. На самом деле этот взгляд позволяет увидеть то, что нас задевает. А задевать нас будет и бесправие России и право Запада. Владимир Вениаминович всегда говорит о близком, только через которое можно прийти до настоящего, потому что это и есть настоящее⁸⁶. Поэтому Владимир Вениаминович, говоря о

83 Там же. С.26.

84 Там же.

85 Там же. С.25: «Во внечеловеческом мире есть то же различие между смазанным биологическим существованием, например у вымирающих даже при благоприятных условиях видов обезьян, и отчетливой формалистикой поведения у здоровых видов...»; Там же. С.243: «Сейчас для сравнения [о Римской Империи - А.М.] годится может быть спортивная команда, которую жестко ведет тренер, регулируя всё вплоть до образа жизни, и правильность распорядка подтверждается победами».

86 Там же. С.215: «...в отношении России мы можем проверить, подтвердить сами, в отношении Византии - только сослаться на свидетельства чужие подтверждающие или подкрепляющие, не чувствуя сами.

долженствовании быть в сфере права, если для нас это не очевидно, или катастрофически ошибается, или мы не видим ближайшего.

Так что же происходит с правом, если мы решились и совершили поступок? Тогда мы находимся в том состоянии усилия, благодаря которому право может существовать. Тогда поступок есть собственно поступок, а жизнь подчиняется принципу. «Жить в отчетливом мире, где есть правила, право, суд, правосудие, мы должны. Тем самым подразумевается, что такой мир не данность. Строго говоря, его нет без нас; мы отвечаем за его существование»⁸⁷. Нужна решимость на то, чтобы дать праву быть, без которой права быть не может. Так желание любить и любовь отличается решимостью, которая ещё не гарантирует ничего, но есть необходимое условие любви. То есть нужно взять на себя решение следовать праву (или любить), а не рассуждать. Рассуждать можно после решения. При этом взять не с закрытыми глазами, «прыгнул и расслабился», но в усилении, которое сопутствует нахождению в сфере права (или любви).

Здесь возможна метафора игры. Право как и игра имеет свои правила. Без нас игры не будет - игры нет без играющих в неё. Также как и в следование праву, следование игре с нарушением правил будет не следованием игре, а её нарушением. И нужно решить для себя следовать игре, несмотря на её ход, даже если проигрываешь продолжать придерживаться правил - только так может быть игра.

Разбор превратиться в сопоставление чужих свидетельств, которые будут разумеется противоречивы всегда, но это не беда, а беда что всегда их будет мало, не хватит для убедительности».

87 Бибахин В.В. Введение в философию права. С.32.

Схема и цвет-тон-настроение.

И все таки решиться имеет значение пойти за догадкой и догадка эта именно догадка потому, что нельзя знать того, за чем нам предстоит пойти. Так что метафора игры здесь очень ограничена. В игре мы знаем, по каким правилам будем играть и не будем знать только об исходе и ходе игры. В решении, которое есть ответ на философское «надо», мы отдаем себя тому, что больше и раньше любых наших рассуждений и конструкций, схем. Хотя, конечно, мы уже видим только схемы, а того раннего, того невыносимого и необъятного не видим напрямую (только вкривь), догадка о раннем прорывается в особенные моменты⁸⁸.

Мы уже начинали говорить о цвете-тоне-настроении выше и здесь уже должны сказать, что сменить схему может только цвет-тон-настроение. Является ли тогда право цветом-тоном-настроением или право одна их схем? Нам не надо забывать при этом, что В.Бибихин, особенно в работе «Собственность. Философия своего», как самые далекие вещи называет, к примеру, решение и решение. Так, наверное, можно сказать и о праве. В начале «Введения в философию права» говорится о праве, о том, что связано с правом, что мы привыкли называть правом. Но вместе с тем В.Бибихин упоминает ироничный пассаж И.Канта о невозможности определить право. В.Бибихин приходит как раз к тому, что у права нет определения. Право это такая вещь, о которой ведется речь, но саму её сказать нельзя. С другой стороны, право это также и законодательство, власть, порядок. Но это другое право. Именно определенное (законодательством или властью, или порядком). Это второе право похоже на схему, которую мы видим вместо права. Первое, чем занимается В.Бибихин - показать неуловимость

⁸⁸ Беседа с Ольгой Седаковой: Жертвы века или самоучки «предательства себя»: к анализу 1970-х годов// <http://gefter.ru/>: Gefter. 2012-2016. URL: <http://gefter.ru/archive/11164> (дата обращения: 02.04.2016). Так, к примеру, в интервью О.А.Седакова на вопрос «Что советский человек должен был сделать, чтобы начать мыслить?», - отвечает «...скорее это с ним должно было что-то случиться. Обычно случался какой-то шок, какое-то жизненное потрясение».

(неопределимость) права и вместе с тем его не-обходимость. Без права не обойтись, потому что даже то, что противоречит правовому - преступное - находится в поле права. «Неправое, преступное поведение тоже относится к праву. Вне права, как позитивного, так и неуставного, остается только размытый образ жизни в той мере, в какой он не имеет формы. Это очень редкий или вообще воображаемый случай»⁸⁹. То есть для нас воображаемый случай, а не реальный, когда поведение не относится к праву и, поэтому, не имеет формы. Таким образом мы повязаны правом со всех сторон и надо развязаться. В.В.Бибихин называет решение развязыванием⁹⁰. Но решение вместе и завязывание: «Мы говорим о принятии решения: «завязали»»⁹¹. Видимо, решение завязывающее и развязывающее, которое, кстати, априори или априористический перфект, всегда-уже-заранее, только и может помочь нам. Но в чем? В том, чтобы право перестало быть только обсуждаемым, чтобы мы перестали придумывать, что такое право и на место права ставить схемы. «Решение, раз уж оно решение, принято и обсуждению не подлежит. Оно начинает снова обсуждаться, когда оказывается, что оно не решение, когда надо перерешать. Вещи, которые существуют по способу решения, выпадают из обсуждения»⁹².

89 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.26

90 Бибихин В.В. Собственность. Философия *своего*. С.366: «...решение развязывает, дает развязку...».

91 Там же

92 Там же.

***К вопросу об истине власти и истине «самой по себе»
(«Политик» Платона)***

Нет никакого сходства и общего между решениями государственными и одного человека. Они разные решения, также как и каждое решение другое всем остальным. Решение не взять, оно должно быть дано. Но и усилие должно быть приложено, хотя «решение всегда другое, чем усилия»⁹³. Как же тогда усилия применять? «Беда мне, если я начну искать решения стохастически, без порядка, без плана, без школы...»⁹⁴. То есть должно быть упорядоченное применение усилий. «Но беда ещё хуже, если я, надеясь на свою хорошую школу, ограничусь правильным применением приемов. Решение задачи не может быть просто вычислено»⁹⁵. Одно дело вычисление, и совершенно другое решение, хотя они и рядом. Одним вычислением до решения не дойдешь. Итак, решение, принимаемое одним человеком или государственное, вычисление должно быть в обоих случаях. Также в обоих случаях и решение будет именно дано и его должно будет принять. Принять так, что оно уже не будет подлежать обсуждению. Напрашивается поставить дилемму двух решений, принятых, к примеру, человеком и государством. Но надо себя тут же одернуть и вспомнить, что решение только одно. Нельзя принять два решения, как нельзя быть двум точкам или Ахиллесу догнать Черепаху. Но даже и с одним решением мы не знаем что, как оно приходит. Кажется, что нужно то, что В.В.Бибхин называет «вычисление», которое возможно имея дисциплину, школу вычисления. Но это другое решению и вычислением решение не взять, не вызвать. В случае государства представляется, что школа это жесткий порядок. В курсе «Пора» Владимир Вениаминович пишет: «Демократия возникла на согласии и готовности ввести жесткий порядок не потом, когда он будет вынужден и навязан, а уже

93 Там же. С.365

94 Там же.

95 Там же.

сейчас, в виде закона, правила, а также строгой науки, философии...»⁹⁶. Вот школа, которая очевидно не является ещё решением, потому что устроена, а не дана и принята. «...Если хотите, демократия была делом живого воображения, когда догадка, предчувствие чего-то совершенно другого в основе вещей было спроецировано на уклад жизни, на законы»⁹⁷. Предчувствие «совершенно другого» может быть только о том, что нельзя придумать или взять самому, не наше, то есть такое, каким нам дается решение. В отличие от «демократического пути» школы и дисциплины, наш (то есть русский) путь другой: «...дело было оставлено тому, чтобы порядок сам себя установил, т. е. люди оказались готовы идти навстречу с последним и предельным без подготовки»⁹⁸. Мы склонны противопоставлять два разных пути. Мы найдем это противопоставление и у В.В.Бибихина в «Введении в философию права» в том, к примеру, как он описывает два права в России: право законодательственное, которое никто не соблюдает и второе право живое, по которому все живут. Нам хочется сказать, что какое-то из этих прав правильное, а другое плохое. Нас останавливают: «В полном, предельном случае ранняя, опережающая дисциплина закона и поздняя дисциплина трезвения (отрезвления) совпадают»⁹⁹. Чем они совпадают? «Как только мы это спросили, мы в пространстве настоящих вопросов, т. е. феноменологии»¹⁰⁰. Но как же эти две дисциплины могут совпадать, если ранняя дисциплина есть и демократия, и свобода. Свобода важнейшее слово у В.В.Бибихина. Свобода есть возвращение к своему, к собственному. Но как же тогда ранняя дисциплина может совпадать с другой, если при «отсутствии закона, ранней дисциплины... для философии места нет, как и вообще для искусства, литературы, религии. Есть место для превращенных, несерьезных

96 Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.262

97 Там же.

98 Там же. С.263.

99 Там же. С.264-265.

100 Там же. С.265.

форм...»¹⁰¹. Надо вернуться ещё раз к тому, почему Владимир Вениаминович вообще начинает говорить о ранней дисциплине и отрезвлении: беда тому, кто будет искать решения хаотично, но ещё большая беда тому, кто будет только применять приемы, потому что решение не высчитывается. Школа, приемы помогут высчитывать, но решения так не получим. Чем же беда хаотического поиска решения отличается от беды применения приемов? Хаотически, без дисциплины мы не готовы к решению, окажемся перед ним один на один; тогда как применение приемов вообще угрожает «опоздать к нашему опозданию». Мы уже читали, что все уже есть, настоящее уже.

В качестве предположения мы скажем, что право не есть предельное, а оно предельным санкционируется. «Демократия вошла в историю как отказ дожидаться царя и господина, которые придут с надчеловеческими, всерхчеловеческими санкциями»¹⁰². Таким образом, ранняя дисциплина не достигнет счастья, то есть полноты бытия. Ранняя дисциплина также как высчитывание при решении задачи. Высчитывание и решение всегда идут вместе, но нельзя перейти от одного к другому. Это связывание и развязывание. Ещё раз спросим: «В чем же отличие ранней дисциплины и отрезвления?». Что дает дисциплина, если она не может обеспечить настоящего? Но и отрезвление только отрезвляет, выводит из сна, из морока. Оно связано у Владимира Вениаминовича с узнаванием себя, своего самого. Но вместе и «Наше — только наше внимание, смирение, трезвость, усилие»¹⁰³. Чуть позже в той же статье Биbihин пишет: «Знание незнания было школой покинутых, одиноких, оторванных от Бога, трезвых, смиренных. Из той школы нищих, школы незнания почему надо было выходить, почему недостаточно было сказать, что мы *не знаем* кто такие мы?

Разговор идет о полисе, о мире (согласии), о невозможности мира без

¹⁰¹Там же.

¹⁰²Там же. С.262.

¹⁰³Биbihин В.В. Поиск *своего* в «Алкивиаде» Платона//www.bibikhin.ru: В.В.Биbihин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/poisk_svoego_v_alkiviade#b449 (дата обращения: 26.04.2016).

согласия каждого с самим собой, отсюда вопрос, кто же мы *сами*. Странные незнакомцы самим себе; сказать, что у нас нет и шансов с собой познакомиться — тогда собственно прощай полис, неясно о чем вообще речь, диалог отброшен к самому началу, где Алкивиад готов идти орудовать вслепую, просто давить других блеском своего происхождения, рода, природных данных, энергии. Т.е. воздержание незнания вещь хорошая, красивая, но надо же и какой-то практикой заниматься. Какое-то знание, кроме знания незнания, надо как-то иметь, хочешь не хочешь, ведь жить-то надо?»¹⁰⁴. И дает такой ответ: «И по моему опыту ответ тот, который у Платона. Т.е. или ничто — я сам в самом себе ускользаю опасно, до полной пустоты, рефлексия улавливает не случайно дурную бесконечность «я думаю о я думаю о я думаю о я», — или «душа», и тогда я знаю в себе *свое*. Остается *свое*, захваченность. Душа только не «психика». [...] ... душа есть некоторым образом всё»¹⁰⁵.

Получили ли мы ответ? Если отрезвление незнанием или нищетой требует ещё и знания, а точнее мы вынуждены идти дальше незнания-отрезвления, потому что иначе нам пришлось бы полагаться на случай, на то, что мы совсем не знаем и оставляем себя с этим незнанием. Что правит? Правит душа или ничто. То ли это настоящее, Целое, о котором говорит В.Бибихин в «Поре»? «После человеческого, знания незнания, смирения, школы, взгляд в *собственно* человека, в *себя*, *самого* человека открывает окошко куда-то очень далеко»¹⁰⁶. Мы опять одернуты. Так открыто только окошко, но Бога ещё нет, своего ещё нет. Да и что такое Бог мы не знаем. Но окошко открыто.

Что же тогда ранняя дисциплина? Раннюю дисциплину создает

104 Там же.

105 Там же.

106 Там же.

«опережающее признание ... несомненного и неопровержимого факта»¹⁰⁷ захваченности миром полностью. Опережающее тут, думается, опережает не сам захват (мы всегда уже захвачены), а опережает столкновение с ним. Отрезвление следует за захватом, но смысл этого, поскольку захват всегда уже, в том, что «отсталые страны - для них полнота опоздания всегда ещё впереди»¹⁰⁸.

«Только что я говорил о единственном высшем знании человека, знании незнания. Теперь — я говорю о знании, которое включено в софию космоса, принадлежит софии космоса *и самой этой своей принадлежностью*, творительный орудия, как я говорил раньше, деля из самого себя лабораторию, — говорит т.е. так, что космос, целый мир им, человечеством, говорит»¹⁰⁹, - то есть мы всегда из этого момента, из себя и собой как наилучшим прибором изучаем.

Но ведь на самом деле очень просто, что мы увязаем в моменте сейчас или нас вообще нет. То есть невозможно отдаление моей жизни в пространстве или времени. Как я живу сейчас, так я и мыслю. Но здесь есть момент настоящего и момент моего отношения к настоящему или отношение настоящего ко мне. Я всегда в мире и включен, захвачен им. Но я не всегда решился на мир, это решение-решимость мне не всегда даны. Также здесь какое-то значение, видимо, имеет мое усилие, которое не даст решения, но нужно. Если Алкивиад проследовал за Сократом и понял свое незнание, а затем то, что мы утопаем в ничто или мы душа (мир), то где здесь только усилие Алкивиада, а где встреча с настоящим, до которого своим усилием не дойти? Ведь уже сейчас можно поставить вопрос, который мы находим и у В.Бибихина: «Кто прав, правитель или наука?». Выше мы уже говорили, что философия должна иметь право, быть в праве на философию, то есть

¹⁰⁷Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие). С.268

¹⁰⁸Там же.

¹⁰⁹Бибихин В.В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона.

философия должна быть правым делом. Иначе государство может не дать философии быть. Но не возникает ли сомнения, что именно философия (Бибихин говорит широко - наука) сама должна уметь быть в праве, знать что правое, а что нет. Так вот вопрос о дисциплине, о решении принципиальный, поскольку если мы можем высчитать право, то дайте нам прием, которым считать, а если право дается решением, то что с необходимостью нужно сделать, чтобы оно было возможно. И, конечно, нас интересует вопрос о том, является ли право тем настоящим, которое, говорит В.Бибихин, дается решением.

Рассмотрим такой мотив. Бибихин говорит об отсталых странах, что они имеют дисциплину отрезвления, а не раннюю, и они не имеют истории, всегда как бы имеют её в будущем. В то же время передовые страны, имея раннюю догадку о настоящем, о захваченности миром, имеют раннюю дисциплину и, соответственно могут иметь (и актуально имеют) и право, и историю, и философию, и поэзию. Что же получают отсталые страны? Они остаются с несерьезным отношением к стране и стремятся к чему-то другому. Другое уже даже потому что оно другое (настоящее другое) обладает признаками того, что существует как априористический перфект, то есть как решение, мир, настоящее. Это другое открывается в пьянстве, азартных играх и страстных увлечениях, в которых они (отсталые страны) находят настоящее, серьезное. Ведь это ещё одно отличие ранней дисциплины от дисциплины отрезвления: для второй что бы мы не делали, возможен вопрос «А зачем это все? Зачем я это делаю?», переходящий в утверждение «Не надо делать ничего - настоящее и так без меня сможет». Да, кажется, что мир есть и без нас и мы ему не нужны для того, чтобы ему быть и продолжать захват, всеохват. Ранняя дисциплина предполагает как раз то, что мы даем догадке о настоящем сбыться, пусть и только в меру наших сил. И мы уверены, что нужно прикладывать усилия, чтобы было что-то, иначе ничего не будет. Но

оказывается, что это очень похоже на отрезвление. «Узнай себя, это ты как уступание захватывающего понимания захваченному принятию — вот ход истории, прояснение мира, его событие. Мы это воспринимаем как *отрезвление*, расставание, отрешение, «самоограничение»»¹¹⁰. То есть отрезвление связано с остановкой захвата и началом принятия и допускания. Но ранняя дисциплина именно это и есть. Хотя ещё остаются сомнения, что эти две дисциплины одно. Они разное, но, как говорит В.Бибихин, в пределе одно. Они едины именно в принятии захваченностью миром, настоящим.

Дальше, конечно, нам надо понять, что есть право: настоящее ли оно или только дисциплина. Мы думаем, что право это поворот настоящего нам, то есть это только дисциплина (а дисциплина, как говорилось выше, похожа на настоящее). Также, в общем, как и философия, и поэзия. Странно получается. Конечно, ввиду того, что наша работа посвящена философии права В.Бибихина, нас не может не интересовать что такое право. Но мы должны понять, какое место занимает оно в философии Бибихина. Безусловно, что правовые и политические мотивы постоянны и значимы для Владимира Вениаминовича уже и по частоте обращения к ним. Почти в каждой работе пусть немного, но будет об этом сказано. Также не маловажно отметить, что политика, право и этика стали заглавными к концу жизни философа, то есть можно предположить, что он к ним приходит. Это было бы логично учитывая тот порядок появления новых читаемых курсов - это продолжение предыдущего курса.

Итак, право. Постараемся понять мысль В.Бибихина. «Они не меняются. Просто поворачиваются к Западу то лицом чванливого комплекса превосходства, то лицом самоуничижительного комплекса неполноценности, тошнотворного заискивания и низкопоклонства»¹¹¹. Это цитата

¹¹⁰Бибихин В.В. Узнай себя. С.57.

¹¹¹Мамардашвили М.К. Философские наблюдения и заметки//Необходимость себя: введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. - М.: Лабиринт, 1996. С.211.

М.К.Мамардашвили, которая, надеюсь, поможет нам. Что же говорит Мераб Константинович? Есть какие-то «они». «Они» поворачиваются на две стороны, видимо, попеременно или даже одновременно. Но это не важно, потому что стороны ужасные обе. М.Мамардашвили нам показывает эти две стороны и как бы разоблачает их. Ведь на самом деле эти стороны одно (несмотря на то, что они противоположны). Они одно к тому, что можно назвать серединой, срединный путь. Срединный путь не есть среднее арифметическое, не то, что дается мерой. Скорее крайности определяются тем, где пролегает середина, потому что именно эта середина есть канат, по которому нам суждено пройти или упасть в пропасть, которая с обеих сторон каната. Стороны разные, но они одинаково противостоят середине. Чего мы добились, указав на эти крайности? Мы увязаем в том, как и что мы видим¹¹². И в «Введении в философию права» Владимир Вениаминович после долгого чтения наблюдений о России Кюстина обнаруживает почти дословное сходство с «Кандидом» Вольтера и ставит вопрос: «Так что же, Кюстин смотрится в зеркало, когда говорит о России? Да, конечно. Вернее, называя Россию, он описывает человечество. Это нам лишний урок, поощрение к тому, что мы уже и делаем: разбираем не нашу страну в сравнении с Западом, а состояние права, *как мы его видим всего яснее*, т. е. вблизи и на собственном опыте»¹¹³. То есть, как Биbihин говорит в «Поре», у нас нет оснований для культурологического сравнения, но мы можем пытаться говорить об одном (в случае «введения в философию права» - об отношении к праву; в «Поре» - об отношении к нашему опозданию).

Мы видим состояние права так, а Мераб Мамардашвили показывает «их» (тоже ведь нас) повернувшись в обе стороны. То есть мы не знаем право само по себе, но видим его всего яснее в этом. Потом мы задумаемся и

112 Биbihин В.В. Пора. (Время-бытие). С.267: «Если как-то нам подсказываются какие-то темы, это основание не для гадания о причинах диктовки, а опять же только повод в этих темах утонуть».

113 Биbihин В.В. Введение в философию права. С.210

поймем, что зря так говорили. «У человека размаха Платона всякое зря и напрасно будут спасены и обращены в добро, и чем серьезнее ошибка, тем больше от нее пользы»¹¹⁴. Как и у Платона нам нужно сначала увидеть пусть и не совсем верно, но увидеть, чтобы одумавшись (или просто подумав) мы смогли бы сказать о том, что это лишнее (но и лишение) так говорить. «...От прибавления к лишению чего-то от излишка или наоборот через отнятие от излишка и прибавление к лишению равновесия не установишь...»¹¹⁵. Мы с очевидностью понимаем М.К.Мамардашвили в том, что два вида отношения, им описываемого, неправильны, ущербны. Они недостаточны и лишни, потому что этими словами ещё ничего не сказано, но мы можем, увидя пропасть по обе стороны каната, увидеть и сам канат, который натянут высоко над нами. Конечно, можно остаться на уровне пропасти и канат не высчитывается от них, но почему-то мы, остановившись, часто можем догадаться о нем. Середину нужно угадать, её ещё нет. «...Рождающееся должно угадать прежде всего само в себя. Диалог ищет и нащупывает, идя неторным путем, пока не получится желанное *то самое*»¹¹⁶. И рождающееся относится также к политику. Политик разве знает, как родится середина? Знает ли политик, законодатель что надо и как делать? Как сделать так, чтобы это стало двигателем для всех? Знание как информация позднее обедненное понимание знания. Знание, говорит В.Бибихин в статье ««Политик» Платона и проблема правды», уже должно быть такое, что движет. Что же нужно знать полититку? Ему нужно знать, как достичь успеха, он тот, что должен привести к успеху. Но успех как раз и есть тот канат, о котором мы говорили выше. Мы сталкиваемся с неудачами, с тем, что всегда есть лишнее или недостающее. Пытаясь добавлять и достигая успеха в другом, мы приходим к другой проблеме. Как поворот, которому нужно вмешать молоко в

114Бибихин В.В. «Политик» Платона и проблема правды//www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/politik_platona (дата обращения: 26.04.2016).

115Там же.

116Там же.

растопленный сахар, но так, чтобы молоко не свернулось, а сахар не затвердел. Или музыкант должен сыграть уверенно, но мягко, так, чтобы было громко, но нежно. Кажется, что проблема в невозможности сделать нужные движения. Но не совсем так. Во-первых, мастера не многим физически отличаются от новичков. Во-вторых, проблема скорее в том, что меру нужного (точного) усиления должен знать сам играющий. Поэтому когда его нужно научить, то недостаточно показать и попросить повторить или даже разбить сложное движение на простые, выучить их и сложить. Не получится - нет меры сложения. Так и политик не знает, какова мера. «Законы и правила - подражания особенностям истины вещей, предписанные в меру возможного носителями знания...»¹¹⁷. Установленные законы и правила лишь подобие, подражание. Но цель не подражать, а настоящее. И в государстве также цель не подражать счастью и спасению, а по-настоящему быть счастливыми и спастись. Нужно правило, то что приведет нас к успеху. «Политика владычица наук не в смысле диктовки им предписаний, а в смысле решения, быть или не быть науке. Есть наука, решающая, заниматься ли мне, человеку, и моему обществу любой наукой и в какой мере заниматься»¹¹⁸. Как это понять? Наука, которая решает, заниматься или нет. Это отдельная наука, но что это за знание такое, как она решает? Это решает государство или мы сами? Есть случаи запрета государством некоторых дел, к примеру, запрет О.Э.Мандельштаму быть поэтом. В воспоминаниях Н.Мандельштам пишет именно о запрете, пусть и негласном, Осипу Эмильевичу делать свое дело, быть поэтом¹¹⁹. Или имеется в виду наука настоящая, которая запрещает. Но тогда какая? «Мы прежде всего и главным

¹¹⁷Там же.

¹¹⁸Там же.

¹¹⁹Н.Мандельштам. Воспоминания. - М.: Согласие, 1999. С.191. : «У О.М. [Осипа Мандельштама - А.М.] был долгий период молчания. Он не писал стихи - прозы это не коснулось - больше пяти лет... То же произошло с Ахматовой..., а у Бориса Леонидовича [Пастернака - А.М.] это длилось добрый десяток лет. «Что-то, должно быть, было в воздухе», - сказала Анна Андреевна...».

образом заняты тем, что он [Платон - А.М.] называет божественным искусством, определяя, каким отраслям культуры, каким социальным сферам дать развитие, каким нет»¹²⁰. Занимаемся «мы» - кто? Россия? В.Бибихин и те, кто его слушали во время чтения лекции? Или читатели или даже те, кто просто задумались? Оно божественное, потому что оно совершенно другого рода, чем обычные искусства. Это искусство искусств, дающее им быть, такое, которому самому уже не нужно рождающих искусств. Так что «мы» овладеть этим искусством не сможем, но как-то прикоснуться к нему хотим, чтобы иметь ответ, что делать, а что нет. Так что да, мы именно этим заняты. Точнее этим занят Бибихин, мы - те, кто перечитывает Бибихина для изучения, заняты академической задачей, что очевидно другое. Тогда любое другое искусство, кроме политики, этики не будет нас устраивать. Устроиться можем только тем решением, которое от политики, этики. Нельзя пройти мимо сближения политики и этики, которое делает В.Бибихин¹²¹. Это должно быть связано с пониманием «мы». Политика по определению дело общественное, общее, этика наоборот дело только одного¹²². Можно ли получить решимость-разрешение на искусство, если не заниматься искусством искусств (политикой, этикой)? Но мы должны вспомнить, что уже все есть. Уже есть все искусства. Но политика направит нас, право даст право. Философия в себе не содержит того, что направит делать дело философии. Ведь человек, в отличие от пчелы, существо политическое. Владимир Вениаминович обращает наше внимание, что политический не значит возможность жить только в коллективе - человек выживает в одиночку, наоборот, пчела не выживет¹²³. Политичность заключается в том, что только в политике человек

120Бибихин. В.В. «Политик» Платона и проблема правды.

121Бибихин В.В. «Политик» Платона и проблема правды: «Наши министры или любые европейские, азиатские, африканские министры принимают решение, тратить ли и сколько тратить на образование. Их решение продиктовано государственной стратегией, в конечном итоге целями спасения, которые ставит Платон. В этом грубом смысле политика, она же этика, у Аристотеля верховная наука».

122Этический поступок не дается извне, он может быть сделан только мной, только с моим усилием.

123Бибихин В.В. Введение в философию права. С.423.

может закончиться как человек, сделаться человеком до конца, тогда как пчела, хоть и умирает вне улья, но всегда уже пчела совершенно. Человек отличается человеческим словом, которое выявляет правду (справедливость) и неправду. Не забудем, вопрос стоит об осуществлении человека человеком, то есть о хорошем для человека. «Речь не о безотносительных благах вообще, а о хорошем осуществлении природы человека, что возможно в общении граждан при свободе слова»¹²⁴. Человек только так может быть, следовательно и вопрос решения в политике, этике завязан на необходимости осуществления. Тогда хорошее, благое не просто мечта, а необходимость, которая важнее пользы, потому что польза не может дать осуществленности, а благо, прекрасное может. Так мы прояснили многое. Во-первых, для нас очевидно красивое, правильное и хорошее одно. Во-вторых, нам приоткрылась важность политики и права, как о них говорит В.В.Бибихин. Мы говорили выше, возможно два конечных пункта в исследовании себя до конца - душа-мир и ничто. Ничто раскроется через совсем ничто, которого нет, но для нас это польза. А душа-мир раскрывается через добро, красоту, хорошее, благо. Но историей все равно правит логос. «Начавшись, вожможно, с соображений пользы, человеческое общежитие в конце концов отдает себя таким вещам как священная война, справедливость, защита высших ценностей, борьба за свободу, т. е. правит историей все-таки не нужда и не выгода, а логос»¹²⁵. Логос будет даже если мы о нем не догадаемся. Но нам нужно заняться политикой, чтобы быть и это занятие нужно потому, что мы можем быть только по принципу. Поэтому «неполитической тема леса не может быть. Уже её выбор политический»¹²⁶. Даже тема леса, то есть тема самая независимая (но и самая близкая) политическая. Нам должно что-то направить на эту тему и её разрешить. Конечно, высчитать её мы не сможем.

124Там же. С.424.

125Там же.

126Бибихин В.В. Лес (hyle): проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии. - СПб.: Наука, 2011. С.194.

Наши размышления приводят нас к следующим вопросам и выводам. Если мы спрашиваем, кто знает истину, кто знает как правильно, ученый или правитель, мы должны ответить, что никто не знает. Точнее никто не знает, как это знание получить, поэтому оно может быть и у правителя и у ученого и не у одного из них. С другой стороны, может быть правитель именно потому что он правитель знает как правильно? Ведь государственные процедуры не обеспечивают успешности тех решений, которые принимаются, но наоборот, предусматривают всегда возможность пересмотра, если есть сомнения¹²⁷. Если бы процедура обеспечивала успешность, то не за чем было бы пересматривать. В то же время процедура принятия решения в государстве обезличивает решение. В результате оказывается, что закон принял не конкретный состав депутатов государственной думы, а мифический законодатель¹²⁸. Но именно возможность пересмотра позволяет говорить, что никакой монополии на решения у государства нет. Решение дается, но ему должно предшествовать усилие расчета, обсуждение. Так что мы должны быть заняты политикой. Мы как бы всегда уже заняты ей, потому что всем правит логос и никуда уйти от этого нельзя. Мы всегда сами виноваты в том, что с нами происходит - позволяем этому быть нашим решением относиться безразлично и не прилагать усилия. Но не прилагая усилий мы не даем быть себе. Надо опять вспомнить, что мы не можем отложить быть себе на потом. «Я принимаю решение в настоящем, оно касается настоящего. Настоящему противоположно не прошлое, не будущее, не вообще длительность, а ненастоящее. И не в смысле игры, «не настоящего»: игра настоящая. Небытие

127В законы могут вноситься изменения, решения судов пересматриваются, решения органов исполнительной власти изменяются принявшим органом или вышестоящим.

128При этом законодателю будут приписывать качества разумности, логичности, выверенности, непротиворечивости принимаемых решений. Хотя реально никто не проверяет на наличие у решений государственной думы этих качеств. Да и можно ли проверить? Необходимо доверие законам, чтобы они были законами, а не просто текстами.

— тоже настоящее. Я имею дело с бытием и небытием как настоящими»¹²⁹. Так что необходимость политики и этики (политики-этики) до любого другого дела обращена к нам, то есть к тому, к кому обращена - ко всем. Это момент, который не может не быть для каждого, потому что не приняв решение нельзя быть по принципу, то есть вообще быть, быть собранным, а такое решение возможно только как политическое-этическое. Так что предпоследним абзацем, как вывод у В.Бибихина: «Власти, о которой говорит Платон, у нас и нигде в мире просто не существует. Мы ничего подобного не знаем на опыте, не наблюдали на опыте». И потому не надо хвататься в нервном припадке, в падучей, но нужно стараться следовать за всеобщим. «Государственное планирование науки... подчиняет науки интересам государства как большого предпринимателя и *вытесняет саму перспективу непосредственного подчинения науки делу спасения*»¹³⁰. Потому что спасение нужно. От правящей науки ждут спасения. Но не совсем понятно, что это такое. ««Истинно знающие» (тут же) то же что спасающие. Всякая власть это власть врача? спасение не имеет сверхприродного смысла, оно лишь возвращение и сохранение природы? Не совсем можно так сказать, ведь природа сбилась. Переводчик Платона здесь имеет право говорить именно о спасении, если только не примысливает богословия и помнит, что спасение должно быть так же само собой понятно, как хорошо и плохо, как здоровый и больной»¹³¹. Уже «Спаси и сохрани» подсказывает нам, что это разные вещи. Но какие тогда? Потому что спасение естественно объяснять через охранение от и сохранение чего-то. Но спасение не в этом. В порядке мысли В.Бибихина спасение - это приведение к лучшему от худшего. Поэтому цель спасения важнее закона и порядка. Если правление приведет к спасению, то больше ничего и не нужно. Так и успех и точное попадание - любой метод оправдывается достижением цели, успехом. Словарь Фасмера показывает связь

¹²⁹Бибихин В.В. Поиск *своего* в «Алкивиаде» Платона.

¹³⁰Там же.

¹³¹ Бибихин В.В. «Политик» Платона и проблема правды.

«спасти, пасти» с «смотреть, наблюдать, стеречь» и с «питать, вскармливать». То есть спасать - присматривать, вос-питывать, кормить? Как молоко, за которым надо смотреть, чтобы не убежало? Да, и перенаправлять с неправильного на правильное, на наилучшее, которое, в мифе Платона в «Политике» уже было при правильном ходе космоса.

Человеческое слово таково, что различает хорошее и плохое, правое и неправое. Как производится это различие? Человеческим словом. Почему это слово возможно только в обществе? Или общество только с человеческим словом может быть? При этом человек - существо социальное. Социальное, общество объединяются чем? Не только совместной территорией. Должно быть нечто единое для всех (граждан), чтобы много людей стали обществом.

То, что человеческое слово разделяет правду и неправду обуславливает общественное существование. Все важнейшие вопросы в обществе вокруг справедливого - несправедливого, правильного - неправильного (вопрос войны и мира; обвинить или оправдать). Общество только в таком разделении. Но почему человек только в обществе может завершиться? Сократ предлагает Алкивиаду заняться собой, только узнав себя можно заниматься государственными делами, потому что нужно знать как сделать добрыми для чего нужно знать как быть добрым самому. Но с себя нужно начать и потому, что нужно знать, кто правит, чтобы управлять в государстве. То есть сначала человек, а после государство? Возможно ответ кроется в том, что управление похоже на искусство, то есть производит. Что же оно производит? Человека или государство? Это искусство способствует тому, что каждый занят своим, тем, что должно ему и все в единодушии, дружно живут. Производит ли это искусство человека? Ведь это искусство и для меня решит, что мне делать. То есть оно касается и меня (с необходимостью). Действительно ли сначала человек?

Сначала душа, которая неизвестно что. Познать её можно, если душа

заглянет в душу, «...особенно в ту её часть, в которой заключено достоинство души - мудрость...»¹³². Почему мудрость - часть души непонятно. Выходит, что мудрость достоинство души. Но дальше: «...или же в любой другой предмет, коему душа подобна»¹³³. То есть если душа хочет познать самое себя, то она должна заглянуть в любой предмет, коему душа подобна. Что это за предметы?

Если мы ведем речь, то говорим о вещи¹³⁴. Но когда дается решение, обсуждение прекращается. Но прекращается ли речь? И пока решение несомненно, обсуждения нет. Но кажется наоборот, только после решения можно серьезно вести речь о решении.

Речь нужно вести по делу. Не дело говорить пустое. Пустое - это какое? Которое не о чем или такое, которое неуловимо в своей неопределенности. Дела не будет (кстати, и моего дела в смысле справедливого, должного распределения) пока нет решения. Но дело это также и вещь и речь¹³⁵. Следовательно, вещь, дело, речь могут быть только вместе с решением.

Говорить дело, по делу, а не болтать попусту. Как же понять, что говоришь дело? Тем более, что у каждого свое дело. Когда речь заходит о

132 Платон. Алкивиад I // Собрание сочинения в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосев и др. - М.: Мысль, 1994. С.263.

133 Там же.

134 Во вступительной статье к книге Рюдгера Сафрански «Хайдеггер (германский мастер и его время)»

В.Бибихин приводит слова старого Хайдеггера: «...когда я упоминаю Рене Шара в Ле Брюскла, что мне при этом дано? Сам Рене Шар! а вовсе не Бог знает какой «образ», через который я опосредованно имею к нему отношение. Вы скажете, Рене Шар не присутствует при этом лично? Неважно! Все равно именно он сам, а не представление о нем, присутствует, как возможно присутствовать на отдалении. Надо разобраться, кто внушил, подсунул нам мысль, будто мы имеем дело не с вещами, а с представлениями о них» (Бибихин В.В. Сила мысли // www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/sila_mysli (дата обращения: 26.04.2016)).

135 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.57: «Общее собрание народа, если оно сошлось без специальной выборки и не запугано, - такое собрание в старой деревенской России называлось мир, в Новгороде и Пскове вече, в Скандинавии ting (англ. thing, нем. das Ding, вещь или дело, в смысле общее дело)...». Его же. Собственность. Философия *своего*. С.365: Вещь это всегда именно вещь. Или ещё проще: вещь это то, о чем собственно идет речь. Или ещё проще: вещь - этимологически речь».

деле - это касается всех. Так у Платона в «Алкивиаде» - война только по вопросу справедливости. Нас же не касается, когда говорят как готовить правильно еду или как делать стулья, если мы не мастера готовки или плотники. Так и в семье мужское остается мужским, а женское женским и супруги не должны лезть в дела друг друга.

Сюда же относится то, что мы не знаем, не можем ответить, как узнали, что такое справедливость, да и не знаем что это, хотя мнения о справедливости имеют все и всегда уже. То есть для нас всегда уже размечено справедливое - несправедливое, правильное - неправильное.

Именно единодушие Платон называет способствующим уличшению государства. Но не понятно, единодушие в чем. Да и что это за единодушие, которое может быть с самим собой? Если это единодушие (единомыслие у Карпова) о справедливости, то что значит единодушие с самим собой? Принятие решения? Ведь принять решение и самому и в государстве одно. Принять, то есть допустить до себя, следовательно, дать быть своему самому по себе. Единодушие будет тогда, когда нет сомнения в решении-вещи-деле. Нет сомнения, какое дело делать, нет сомнения есть ли вещь; нет сомнения о решении - оно уже есть (и именно как решение). Тогда и есть единодушие. А для меня и для государства вопрос, как его достичь, что это за искусство. Владимир Вениаминович говорит,ю что нет такого искусства, это дается как дар (как командный голос у офицеров). И ещё одно. Настоящая полития возможно только среди равных. Это ещё раз рождает проблему координации. То что все подчиняются и равны - как чудо, дар. Но только такая полития. Закон, которым держится полития, видимо, сам и есть полития - не право. Но право есть догадка о том законе, который правит нами по-настоящему и всегда. Правто только дисциплина такого настоящего, но, конечно, не само настоящее, не самое само. Самое само мы можем только стараться уготовить. Мы можем только стараться уготовить рассудительность и справедливость.

Человек может собраться только на отношении к бытию. Язык дом бытия. А В.В.Бибихин отмечает человеческое общество человеческим языком. Языком, который различает. Значит ли, что только через язык является бытие. Через язык, человеческим языком дается различение справедливого и несправедливого, а именно единством в этом вопросе объединяется государство.

Поскольку люди делятся на подчиняющихся внешним обстоятельствам и управляющих (разумно своим телом и телами других). Управлять своим телом и телами других человек может с помощью разума и нравственной силы. «Сила для своего оправдания должна быть правой. Справедливость относится к политике и полису. Право есть строй политической общности, правый суд»¹³⁶. Поскольку поступок возможно совершить только подчиняя свое тело, а не будучи на поводу внешних обстоятельств, те, кто не управляют своим телом - рабы. «Назвать его животным будет точнее чем человеком»¹³⁷. Для него не существует решения и решимости, нет принципа - нет логоса. Он живет только в ряду пользы. Так становится ясно, как право и политика для В.В.Бибихина напрямую связаны с первой философией. То есть начала и здесь тоже.

136 Бибихин В.В. Введение в философию права. С.426.

137 Там же.

Заключение

Проделав путь мышления в сторону права и политики у В.В.Бибихина, мы станем предметом внимания, каков же результат. В первую очередь, какой практический или прагматический результат. То есть первый вопрос часто о деле, как у нас теперь с делом. Наш деловой результат таков, что теперь мы можем что-то сказать (как минимум то, что уже сказано) о праве, политике и деле, а иногда знаем, что нужно смолчать и не говорить. Раньше мы могли сказать что-угодно, теперь же, проделав работу прояснения, разбора, мы сможем следить за тем, что говорить, а что нет.

Теперь, после того, как мы уже задались вопросом, задумались, мы можем ответить, что дело не может быть без мысли, без того, чтобы кто-то задумался по-настоящему. Это нужно ещё до философии, потому что и сама философия необходимо зависима от права и политики. Делать дело можно только имея на это право, которое неизвестно откуда дается. Не задумавшись, мы смело ответили бы, что право дается государством или законами, которые даются государством. Но теперь мы видим, что право дается не государством, да и законы не должны зависеть от интересов и неточностей людей, так что они тоже даются. Право и закон даются как решение. Государство выступает мезанизмом высчитывания и принятия решений, то есть обсуждение возможных решений выполняет функцию высчитывания, которое не может привести к решению, решение дается и государство имеет процедуру принятия решения. После окончания процедуры принятия решения государство должно выносить это решение даже если оно не выгодно. Решение остается до момента, пока оно не станет сомнительным и не начнется опять его обсуждение. То есть мы можем сказать, что нет принимающего решение как того, кто придумывает решение, высчитывает и «спускает» нам его. Такие решения противоположно другим тем, о которых говорили мы, разбирая право и политику у В.В.Бибихина. Следовательно,

нельзя делать дело, не остановившись для мысли, которая необходимое для дела. То есть философия, несмотря на то, что она тоже должна по праву философствовать, нужна политике и праву: «Против мировой власти демотирана у Платона стоит *только философия*»¹³⁸. Потому что мы уже знаем, если решение будет принимать только правитель, то общество будет состоять из одних рабов, за исключением правителя. Выходит, что нельзя избежать мысли для того, чтобы делать дело.

Таким образом, для права и политики так же захваченность миром и охват мира предельные цели, потому что следование решению, дисциплина удержания себя от на-думываний, конструирования оставляет нам возможность следовать только настоящему, Софии.

Нас, конечно, спросят, почему мы, начав с права у В.В.Бибхина, присоединили политику? Мы это делаем следуя в направлении вещей, о которых говорит В.В.Бибхин: «Итак, повторяется в III 7,1, [в «Политике» Аристотеля - А.М.] конечная цель всех наук и искусств - хорошее, высшее добро есть главное из всех наук и искусств, политики. Это высшее добро называется справедливость, право. И первое ближайшее понимание права это равенство»¹³⁹. Право это уже высшее добро политики. Когда мы имеем право, то решение уже принято, уже есть закон, который должен прийти от политики. Право есть равенство не равномерным делением, а равенство деления по достоинству. Поэтому мы, разбирая право, также с необходимостью разбираем политику, и справедливость, и равенство. Возможность прийти к праву есть только с догадкой о космическом порядке, миропорядке, то есть упорядоченности всего в мире. Так и человек и государство должно по такому порядку быть. А как мы читали В.В.Бибхина, только так и могут быть - в порядке логоса, проще - по принципу, логосу. Догадка о настоящем есть та, которая позволяет быть. Мы связывали с этим

¹³⁸Там же. С.504.

¹³⁹Там же. С.497.

два рода дисциплины: раннюю дисциплину и дисциплину трезвления. Ранняя дисциплина основана на догадке о настоящем и попытке следованию за настоящим (из чего и складывается дисциплина); дисциплина трезвления основана на недопущении того, что от меня, то есть на попытке оставить место настоящему, потому что оно само установит без меня. В пределе эти две дисциплины одно.

Можно отметить, что В.В.Бибихин, начиная «Введение в философию права» с общих вопросов, к ним же и возвращается в серии лекций, начатой разбором «Политики» Аристотеля. С другой стороны, можно находить множество подобных «интересных» деталей хода мысли Владимира Вениаминовича и не на шаг не подойти к делу, которое он делает.

Что мы серьезно можем сказать о «философии права Владимира Вениаминовича Бибихина» немного. Срез права есть всегда, но, относясь несерьезно к праву, получаем извращенные формы (то есть отсутствие форм). Что же такое право (к чему надо относиться серьезно) и как серьезно относиться? Нет ответа. Нет окончательного результата ответа на эти вопросы. Ответ есть (может быть), если решиться задать вопрос, поставив себя под вопрос. То есть расступиться перед неизвестью права, его свободой. Право есть только там, где есть свое, собственное.

Вот и все что мы можем сказать в результате. Остальное - поставить вопрос, что, мы думаем, нам удалось сделать. Постараемся дать в нескольких предложениях поставленный вопрос.

Мы начали с вопроса о философствовании Владимира Вениаминовича Бибихина и о праве, но действительная тяга у нас к настоящему, тому, что мы заметили в праве и в философствовании В.В.Бибихина. Таким образом настоящий вопрос это вопрос о нашем положении. И мы можем сказать, что наше положение таково, что нельзя полагаться ни на что, потому что настоящее ходит своими путями, потому что внешнее, с которым мы можем

иметь дело по нашему желанию, не есть свободное, которое ищем. Ни в каких мнениях, ни в каких данных и информации, никакие вещи и ощущения не есть успокоительное для нас. То, к чему мы пришли и теперь готовы сказать - главный вопрос, как оставаться в вопрошании тогда, когда все располагает к срыву в ответы. Мы не ушли от правовой сферы, потому что, как мы видели, к праву это относится не меньше, чем к нам. И право возможно только тогда, когда не было срыва. Имеется в виду срыв к естественному порядку, порядку нужды, причинности - к тому, что мы можем охватить и с этим обходиться как с инструментами. Тогда как София уже охватила нас. То есть право мы не найдем ни в чем, что подручно, также как и справедливость, и свободу. И если мы хотим понять свое положение, то должны поймать себя на захваченности - в нашем случае на захваченности философствованием В.В.Бибихина и правом. Только разбираясь с этой захваченностью у нас есть шанс прояснить наше положение, потому что ничего больше у нас нет. Все это приводит нас к вопросу: «Как быть?». Алкивиад так и не смог сказать, кто перед ним и как быть не ничем, а чем-то.

Список использованной литературы

Книги, монографии:

1. Бибихин В.В. Другое начало/В.В.Бибихин. - СПб.: Наука, 2003. 430 с.;
2. Бибихин В.В. Лес (hyle): проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии/ В.В.Бибихин. - СПб.: Наука, 2011. 425 с.;
3. Бибихин В.В. Мир/В.В.Бибихин. - 2-изд., испр. - СПб.: Наука, 2007. 431 с.;
4. Бибихин В.В. Пора. (Время-бытие)/В.В.Бибихин. - СПб.: Владимир Даль, 2015. 367 с.;
5. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару/В.В.Бибихин. - М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.;
6. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература/В.В.Бибихин. - М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 416 с.;
7. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего /В.В. Бибихин. - Санкт-Петербург : Наука, 2012. - 390 с.;
8. Бибихин В.В. Узнай себя /В. В. Бибихин. - СПб. : Наука С.-Петерб. изд. фирма, 1998. - 575 с.;
9. Бибихин В.В. Чтение философии /В. В. Бибихин. - Санкт-Петербург : Наука, 2009. - 535 с.;
10. Бибихин В.В. Язык философии/В.В.Бибихин. - 3-е изд., стер. - СПб.: Наука, 2007. 389 с.;
11. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии/ М.К.Мамардашвили. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.;
12. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: введение в философию, доклады, статьи, философские заметки/ М.К.Мамардашвили. - М.: Лабиринт, 1996. 432 с.;

13. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. (М.Пруст «В поисках утраченного времени»)/М.К.Мамардашвили. - М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.;
14. Мандельштам Н.Я. Воспоминания//Н.Я.Мандельштам. - М.: Согласие, 1999. 576 с.;
15. Платон. Собрание сочинения в 4 т.: Т. I/Общ. ред. А.Ф.Лосев и др. - М.: Мысль, 1994. - 860 с.;
16. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики// Изд. подг. А.В.Лебедев. - М.: Наука, 1989. 576 с.;
17. Хайдеггер М. Что зовется мышлением?// пер. с нем. Э.Сагетдинова. - М.: Академический проект, 2007. 351 с.

Статьи:

1. Беседа с Ольгой Седаковой: Жертвы века или самоучки «предательства себя»: к анализу 1970-х годов// <http://gefter.ru/>: Гефтер. 2012-2016. URL: <http://gefter.ru/archive/11164> (дата обращения: 02.04.2016);
2. Биbihин В.В. Добро, истина и несуществование у Владимира Соловьева//www.bibikhin.ru: В.В.Биbihин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/dobro_istina_i_nesuschestvovanie (дата обращения: 26.04.2016);
3. Биbihин В.В. Поиск *своего* в «Алкивиаде» Платона//www.bibikhin.ru: В.В.Биbihин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/poisk_svoego_v_alkiviade#b449 (дата обращения: 26.04.2016);
4. Биbihин В.В. «Политик» Платона и проблема правды//www.bibikhin.ru: В.В.Биbihин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/politik_platona (дата обращения: 26.04.2016);
5. Биbihин В.В. Проблема собственности//www.bibikhin.ru: В.В.Биbihин.

2016. URL: http://http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (дата обращения: 26.04.2016);
6. Бибихин В.В. Сила мысли// www.bibikhin.ru: В.В.Бибихин. 2016. URL: http://www.bibikhin.ru/sila_mysli (дата обращения: 26.04.2016);
7. Письмо В.В.Бибихина О.А.Седаковой из Ожигово от 16.09.1992// <http://gefter.ru/>: Гефтер. 2012-2016. URL:<http://gefter.ru/archive/13476> (дата обращения 18.04.2015).

Словари, энциклопедии:

1. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов// А.Н.Булыко. - 2-е изд., испр. - М.: Матрин, 2008. 704 с.;
2. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи// Составлено под ред. А.Н.Чудинова. - Изд. 2-е, тщательно исправленное и дополненное 4000 новых слов. - С.-Петербург.: Издание В.И.Губинского. 1902. 884 с.;
3. Виноградов В.В. История слов// Отв. ред. Н.Ю.Шведов. - М.: Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1999. 1139 с.;
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - М.: Прогресс, 1987.

Оглавление

Введение.....	2
Основная часть.....	7
Актуальность Владимира Вениаминовича Бибихина.....	7
Введение в чтение В.В.Бибихина.....	10
Философия.....	12
Дело В.В.Бибихина и право.....	19
«Необходимость права» в «Введении в философию права» и философское «надо» или философский императив в философии Владимира Вениаминовича Бибихина.....	22
Присутствие способом отсутствия.....	24
Возвращение к философскому императиву.....	28
«Надо»-нужда-нищита.....	30
К праву.....	32
Решение и право в работе «Введение в философию права» В.В.Бибихина	44
Схема и цвет-тон-настроение.	47
К вопросу об истине власти и истине «самой по себе» («Политик» Платона).....	49
Заключение.....	67
Список использованной литературы.....	71